

МАРТОВСКИЕ ИДЫ.

Говорят, что мартовские иды¹ неблагоприятны для тиранов. И если бы наука раз навсегда не осудила астрологических суеверий, то можно было бы «с фактами в руках» доказывать, что тираны, единоличные и коллективные, имеют полное основание трепетать не только в течение мартовских ид, но и в продолжение всего месяца, посвященного Марсу. В марте пал Юлий Цезарь; в марте погиб Александр II; в марте вспыхнула венская революция, положившая конец гнусному режиму Меттерниха; в марте произошло ломбардо-венецианское восстание против австрийского ига, ознаменовавшееся героическими «пятью днями» в Милане; в марте совершилась берлинская революция, нанесящая неизлечимую рану прусскому абсолютизму; в марте парижский пролетариат заставил бежать в Версаль позорное правительство «национальной обороны». Можно подумать, что бог войны, вопреки общераспространенному мнению о нем, очень неравнодушен к свободе. Но, оставляя в стороне вопрос о вкусах этого бога и о таинственном влиянии посвященного ему месяца на внутреннюю жизнь цивилизованных стран, приходится, независимо от каких бы то ни было суеверных соображений, признать, что месяц март всякому, не беззаботному насчет политики человеку напоминает о целом ряде таких исторических событий, которые были и надолго останутся в высшей степени интересными не только для ученого, стремящегося обнаружить причинную связь общественных явлений, но и для деятеля, старающегося извлечь из них практические уроки. Достаточно назвать великое парижское революционное движение 18 марта, которое обязан внимательно изучить и тот, кто хочет составить себе ясное понятие о борьбе классов в современном обществе, и тот, кто принимает деятельное участие в этой борьбе и, отстаивая интересы пролетариата, желает знать, в чем состоит сила этого класса и каковы слабые стороны его революционных восстаний, затрудняющие его победу над неприятелем.

Революционное движение 18 марта, известное также под именем Парижской Коммуны 1871 года, является блестящим подтверждением той истины, которая лежит в основе всей практической деятельности современных социалистов и которая была так хорошо сформулирована в уставе Международного Товарищества Рабочих,² вышедшем из-под пера Карла Маркса и гласящем, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Движение 18 марта было движением пролетарским по преимуществу. Хотя в нем деятельно участвовала многочисленная мелкая буржуазия французской столицы, однако Парижская Коммуна не издала ни одного постановления для защиты исключительных интересов мелких предпринимателей. Напротив, все принятые

ее меры были пропитаны пролетарским духом. В движении 18 марта мелкая буржуазия шла под красным знаменем пролетариата.

Принятые Парижской Коммуной постановления социально-экономического характера не отличались, правда, ни численностью ни решительностью. Их было мало, и они представляли собою довольно робкие шаги на пути решения векового спора между трудом и капиталом. Но действовать решительнее в этом отношении Парижской Коммуне помешали, во-первых, внешние условия: борьба с бандитами буржуазной реакции, укрепившейся в Версали и начавшей оттуда непрерывные и беспощадные нападения на Париж, оставшийся во власти рабочих. А кроме того, — и это главное, — в движении 18 марта не было всей той сознательности, которая необходима пролетариату для того, чтобы он мог не только убедиться в непримиримой противоположности своих интересов с интересами буржуазии, но также и выработать себе последовательную программу практических действий. Тем нашим революционерам разных цветов, которые еще так недавно с упреком говорили нам, что мы придаем преувеличенное значение сознательности в революционном действии рабочего класса, полезно будет хорошенько поразмыслить над движением 18 марта. Его история с ясностью покажет им, что стихийность, которую они представляют себе могучим ломовым конем, способным вывезти движение из всех затруднений, на самом деле является источником промахов и поражений. Шансы успеха пролетариата в его борьбе с защитниками существующего порядка вещей растут в той самой мере, в какой его движение утрачивает стихийный характер и становится сознательным. И в той же самой мере возрастает влияние на него социальной демократии, планомерные действия которой служат сознательным выражением бессознательного исторического процесса.

Противопоставление стихийности сознательному действию революционной партии может иметь смысл только в том случае, когда сама эта партия, не умея встать на классовую точку зрения, противопоставляет свои субъективные пожелания объективному ходу вещей. В этом случае ход идей противоречит ходу вещей и потому оказывается лишенным всякой творческой силы. Мысль опережается жизнью и мало-по-малу утрачивает на нее всякое влияние. Таких случаев можно было бы немало насчитать в истории того доброго старого времени, когда социализм, стоявший на почве утопии, распространялся почти исключительно в среде так называемой интеллигенции. Стихийное движение рабочего класса имело тогда за собою гораздо больше шансов практического успеха, чем сознательные усилия заговорщиков-революционеров или социалистов-реформистов.

Но это доброе старое время само было лишь введением в историю современного революционного движения пролетариата. Дальнейшее развитие этого движения вело к тому, что стихийность все более и более отступала в нем перед сознательностью, которая черпала свою творческую силу именно в правильном понимании объективного хода вещей. Противоречие между мыслью и жизнью оказалось тогда разрешенным; социализм переставал быть утопическим и становился научным.

История рабочего движения в эпоху, предшествовавшую Парижской Коммуне 1871 года, как нельзя лучше подтверждает все это. Фридрих Энгельс, сам живший в сороковых годах в Париже и хорошо знакомый с тем, что там происходило, говорит, что уже скоро после июльской революции пролетариат, получивший свое конспиративное воспитание еще в тайных обществах времен реставрации, становится преобладающим элементом в революционных организациях заговорщиков. Тайное общество «Времен Года», с помощью которого Бланки³ и Барбес⁴ вызвали восстание 1839 года, было уже исключительно пролетарским. И таким же пролетарским было общество «Новых Времен Года», которое было основано после неудачи названного восстания и которым руководил Альбер⁵. Но, несмотря на то, что эти общества состояли почти исключительно из пролетариев, их приемы и их тактика имели в себе очень мало пролетарского, будучи целиком заимствованы из эпохи заговоров, составлявших буржуазной интеллигенцией. «Само собой понятно, — замечает Энгельс, — что заговорщики не ограничивались организацией революционного пролетариата: они стремились именно к тому, чтобы опередить революционный процесс развития, вызвать в нем искусственный кризис, сделать революцию в такое время, когда еще не было налицо необходимых для нее условий». Да им и не приходилось много думать о необходимых для революции условиях, потому что единственным ее условием являлась в их глазах надлежащая организация заговора. «Они были алхимиками революции, — продолжает Энгельс, — и отличались такою же путаницей понятий и такою же ограниченностью взглядов, какие были свойственны алхимикам старого времени. Они старались делать открытия, которые должны были совершить революционные чудеса: взрывчатые снаряды, адские машины магической силы, восстания, которые должны были действовать тем сильнее и удивительнее, чем менее было у них разумного основания». Поглощенные своей алхимической работой, заговорщики преследовали только ближайшую цель низвержения существующего правительства и пренебрежительно смотрели на дело развития классового самосознания рабочих. Они отличались обыкновенно отчаянной храбростью и значительной революционной сноровкой, строили первые баррикады, грабили оружейные лавки, организовали сопротивление и руководили им, — короче, были офицерами уличных восстаний, но эти решительные люди, эти герои баррикадных битв и самоотверженные организаторы всякого рода террористических, — как сказали бы мы теперь, — действий, уже и тогда представляли собою не будущее пролетарского движения, а его прошлое. По мере того как подвигалось вперед развитие пролетариата, заговорщики утрачивали свое влияние и находили себе опасных конкурентов в тех тайных обществах рабочих, которые ставили себе целью не непосредствен-

ное восстание, а организацию сил рабочего класса и развитие его классового самосознания. Коммунистическая пропаганда того времени, равно как и споры, происходившие между коммунистами различных направлений, остались так же мало понятны французским заговорщикам старого закала, как мало понятны были нашим нынешним хранителям революционных преданий семидесятих годов споры между представителями различных направлений русской социал-демократии.

Начатое в 1847 г. правительством Луи-Филиппа дело о бомбах рассеяло, по свидетельству Энгельса, даже самых упорных и наименее осмысленных заговорщиков и толкнуло шедших за ними рабочих на путь чисто-пролетарского движения. Во время февральской революции 1848 г. коммунисты были уже самой сильной фракцией революционного пролетариата. Однако движение 1848 г. потонуло в крови июньских борцов⁶, и в продолжение многих лет французский рабочий класс, подавленный своей великой неудачей и лишенный всех политических прав, не выходил из мертвой точки застоя. Только политическая оттепель шестидесятых годов принесла с собою возобновление его освободительной борьбы. Но теперь эта борьба делает новый шаг вперед. Теперь передовые представители французских рабочих становятся под знамя руководимого Марксом Международного Товарищества Рабочих. И хотя большинство этих представителей продолжает подчиняться влиянию утопического социализма, — преимущественно прудонизма, — но старая тактика заговорщиков, с их бунтарством, политическими покушениями и прочей «алхимией», не встречается между ними никакого сочувствия. Практической задачей дня становится выработка классового самосознания рабочих. Эта выработка, без всякого сомнения, значительно замедляется многообразными утопическими пережитками, сохранившимися в головах большинства тогдашних руководителей французского Интернационала. И нельзя не признать, что полезным противовесом этим пережиткам служила стихийность массового рабочего движения, которое было чуждо утопии уже по одному тому, что вообще мало справлялось с какой бы то ни было теорией.

Если в мероприятиях Парижской Коммуны не заметно следов утопизма, то это объясняется тем, что объективная логика великого революционного движения оказалась сильнее субъективной логики его вожakov, и зараженная утопизмом мысль подчинилась, таким образом, властным указаниям общественной жизни. И это было, разумеется, очень хорошо. Но дело приняло бы несравненно лучший оборот, революция 18 марта была бы гораздо более плодотворной, если бы субъективная логика людей не расходилась с объективной логикой жизни, если бы стихийная сила событий, вместо того чтобы сталкиваться с человеческим сознанием, как с элементом, до известной степени чуждым и противодействующим ей, получила в нем свое точное и ясное выражение.

Успехи французского социализма со времени Парижской Коммуны именно в том и состояли, что это несоответствие между ходом вещей и ходом идей все более и более устранялось благодаря влиянию современного научного социализма. Идея научного социализма не противоречит стихийной силе вещей и вообще не расходится с ней, а служат ее сознательным выражением. И чем больше

распространяются эти идеи, тем больше приближается торжество этой силы. Вот почему сторонникам научного социализма остается только пожимать плечами, когда им говорят, что они придают преувеличенное значение сознательности и слишком мало полагаются на силу стихийности.

Во время революционного взрыва 1871 г. стихийная сила вещей, к сожалению, еще не получила надлежащего выражения в человеческом сознании. Этим объясняется, между прочим как слабая организованность революционного пролетариата, так и недостаточно энергичное преследование неприятеля, который был на-голову разбит 18 марта. Лиссагарэ⁷ рассказывает в своей истории Парижской Коммуны, что в этот день, около трех часов пополудни, многие батальоны национальной гвардии, состоявшие из вооруженных пролетариев, спокойно проходили мимо здания министерства иностранных дел, в котором совещались тогда Тьер⁸ и его министры. Если бы революционеры арестовали «чудовищного карлика»⁹, то этим предупреждено было бы много несчастий в будущем. Тот же Лиссагарэ рассказывает, что в ночь с 18 на 19 марта генерал Винуа беспрепятственно вывел из Парижа линейные войска и вывез оттуда много оружия, амуниции и боевых припасов. Революционеры без большого труда могли бы склонить солдат генерала Винуа на свою сторону и овладеть его военными припасами. Они этого не сделали, чем опять ослабили свою силу. Наконец, необходимо было преследовать разбитого неприятеля по пятам, а не давать ему утвердиться и заново организоваться в Версали. Об этом тоже, как видно, никто не подумал. Великая стихийная сила движения не нашла надлежащего выражения в сознании людей. Отсюда — отсутствие централизованной организации, напрасная трата драгоценного времени, неумение пользоваться благоприятным стечением обстоятельств.

Но каковы бы ни были недостатки революционного движения, начавшегося 18 марта, оно покрыло своих участников неувядаемой славой и показало, какой длинный путь развития оставил за собою французский рабочий с тех пор, как перестал увлекаться заговорщиками ветхого завета. Историческое значение Парижской Коммуны 1871 г. поистине колоссально. Только тот, кто сумел оценить это значение, видит, как ничтожно в сравнении с ним историческое значение гибели какого-нибудь отдельного представителя деспотической власти, живет ли он в Риме или в Петербурге, называется ли он Юлием Цезарем или Александром II.

«Кровавая» майская неделя, ознаменовавшая собою победу буржуазии над восставшим парижским пролетариатом, дает нам понять, между прочим, как много правды в словах «критиков Маркса», старающихся уверить нас в том, что борьба классов принимает все более и более мягкие формы. На самом деле формы этой борьбы более или менее «мягки» лишь до тех пор, пока она не выходит из пределов «законности», хотя и тут можно указать весьма выразительные исключения. А как только пролетариат перешагнет черту «законности», буржуазия тотчас же забывает все сладкие речи своих идеологов о «мягкости» и обнаруживает такую ненавистную кровавадность, какой устыдились бы самые дикие людоеды.

Тьер и его пособники показали всю силу своей ненависти к освободительным стремлениям рабочего класса. Революционный пролетариат Франции хорошо понял общественный смысл этой ненависти. Но странное дело! Никому из сколько-нибудь видных его представителей не пришло в голову «отомстить» Тьеру каким-нибудь «террористическим» действием. Только анархисты пытались впоследствии взорвать его статую, подложив около нее наполненную порохом коробку из-под сардинок, но и эта мальчишеская выходка, как потом оказалось, была предпринята при любезном содействии парижского префекта полиции Андрие. Почему бесчеловечная жестокость «чудовищного карлика» осталась безнаказанной? Уж не потому ли, что между французскими пролетариями не осталось ни одного самоотверженного человека? Нет, вовсе не потому! Самоотвержение было в такой же мере свойственно передовым французским работникам после Коммуны 1871 г., как и в ее время. И мысль о мести ни на минуту не покидала этих работников. Но отомстить значило для них повалить тот общественный порядок, защитниками которого явились Тьер и его сподвижники, разрушить ту систему, которая основывается на эксплуатации наемного труда капиталом. Всякий другой род мести не останавливал на себе их внимания, как слишком ничтожный. Вот почему никто из них не поднял руки на Тьера. Французское рабочее движение давно уже вышло из пеленок. Сообразно с этим его передовые представители давно уже переросли психологию ветхозаветных заговорщиков. И в этом отношении мы, русские революционеры, можем многому научиться у героических пролетариев Франции.

[Г. Плеханов]

ПО ПОВОДУ НОВОГО ТАМОЖЕННОГО ТАРИФА.

23 января прошлого года учреждено было Особое Совещание для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности и для соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с нею отраслей народного труда. Русский либерал, как подобает либералу, умилился душой перед величием такого начинания. Либералы забыли или не хотели припомнить, что то, что требовалось теперь правительству выяснить, было уже давным-давно на сотни ладов разъяснено десятками правительственных комиссий и сельскохозяйственных съездов, сотнями томов статистических исследований. И вот сведущие люди в уездных комитетах принялись повторять зады и опять и опять указывать правительству, что «никакие агрикультурные технические улучшения, никакие воспособления отдельным отраслям хозяйства частными мерами не в состоянии улучшить положение сельскохозяйственной промышленности, пока не будут устранены коренные препятствия к ее развитию», которые заключаются в «малой культурности населения, в отсутствии у него ясных и прочных прав, в чрезмерном развитии административной опеки, в излишних ограничениях роли и задач местного самоуправления, в неправильном распределении податного бремени, в избытке покровительства мерами финансовой политики обрабатывающей промышленности и, наконец, в недоуд-

влетворенности основных нужд крестьян, объясняемой существенными недочетами в области поземельной политики» (см. «Русск. Ведом.» № 1, 1903 г.). Кое-кто договорился даже до конституции.

Конституционные вожделения были задушены в полицейских застенках, а все другие заявления будут с такою же бесцеремонностью изъять губернскими комитетами, где под предводительством губернаторов происходит выживание «неблагонадежных» лиц и мыслей. Но еще раньше, чем губернские комитеты успели совершить свою очистительную работу, сам инициатор Особого Совещания, министр финансов, дал в новом таможенном тарифе оригинальную иллюстрацию того, как наше правительство намерено притти на помощь сельскому хозяйству. Новый тариф значит, конечно, повышенный тариф. Это само собою разумеется для русского министерства финансов. Из правительственного сообщения мы узнаем только, что в данный момент имеется целых три мотива для повышения ввозных пошлин: 1) «общие соображения о надобности усиления ресурсов государственного казначейства», 2) «необходимость оказать более существенную поддержку той или другой отрасли производства» и 3) «изменившиеся условия ввоза русских товаров в иностранные государства под влиянием известных правительственных там распоряжений». Видите ли, какая это чудодейственная штука таможенный тариф: он должен наполнить пустые сундуки господина Витте, спасти от банкротства зарвавшихся заводчиков и наказать немцев. Начнем с немцев, так как именно Германию, где недавно принят новый таможенный тариф, имеет в виду пункт третий правительственной мотивировки. Итак, удастся ли нам наказать немцев? Но такими принципами люди руководились разве только в ту эпоху, когда кровавая месть была единственным средством воз-

мездия, когда оком платили за око, зубом за зуб. Повысить пошлины у себя только потому, что они повышены в другой стране, значит совершенно забывать об интересах населения своей страны. Россия вывозит в Германию преимущественно хлеб; в виду повышения пошлин в Германии вывоз туда будет затруднен. Масса русского крестьянства, продающего часть своего хлеба не потому, что она сама в нем не нуждается, а потому, что принуждена платить непосильные налоги, прямые и косвенные, не найдет на рынке достаточного числа покупателей. Цены на хлеб будут падать, и крестьяне принуждены будут продавать больше хлеба, чтобы покрыть все требования государства. А в то же время цены на многие предметы первой необходимости будут повышаться благодаря увеличению ввозных пошлин в России. Если сравнить новый тариф со старым тарифом 1891 года, то мы заметим, что во многих случаях повышение достигает 50 и больше процентов для многих предметов массового потребления. Что таким путем можно поднять культурный уровень обнищавшего населения, — этого не станет утверждать даже русское правительство. Но, — говорят, — протекционизм необходим для развития промышленности и то, что таможенный тариф берет у населения одной рукой, он отдает ему другой и стoriцей, доставляя новые заработки. Поддержка промышленности — таков второй мотив министерства финансов. Но не правильнее ли будет сказать: поддержка немногих крупных промышленников? Не к эксплуатации ли массы потребителей кучкой фабрикантов и заводчиков, не к загребанию ли огромной, нигде не виданной прибыли ведет наш протекционизм? Зародившись в такое время, когда покровительствовать собственно еще нечему было, когда близкие и постоянные сношения с индустриальными странами могли бы только содействовать развитию

ЕДИНАЯ РУССКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИНТЕРЕСЫ ЕВРЕЙСКОГО ПРОЛЕТА- РИАТА.

Сообщая (в № 34) известие о том, что Бунд прикнул окончательно к Орг. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. (и что таким образом инцидент, послуживший поводом к протесту Ц. К. Б., можно считать благополучно законченным), — мы надеялись, что отныне ставшая, очевидно, неизбежной полемика русских соц.-дем. с представителями «новых течений» в Бунде сможет вестись на чисто-принципиальной почве. Такой чисто-принципиальной полемике и была посвящена в № 34 «Искры» статья по вопросу о том, «нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату?»

Наша надежда, к сожалению, не оправдалась. В №№ 109 и 112 «Последних Известий» появилась статья, писанная в чрезвычайно-вульгарном тоне. Не «Искре», конечно, иметь что-либо против той резкости полемики, которая естественно порождается страстностью отношения спорящих к той идее, которую они отстаивают. Но одно дело — подсказанная страстью резкость тона или даже грубость выражений, и другое дело — вульгарная ругань, источая которую человек, правда, явно показывает, что его вывело из себя, но не старается даже объяснить, какого рода идеи (идеи, а не

ругательства!) он может противопоставить неприятным ему взглядам своего противника.

«Искра» «обрабатывает своего читателя», она «вбарабанивает ему в голову», что она «пуп земли», она «лишний раз подтвердила, что плюет на всякие законности» и ее ссылки на Манифест партии «лицемерны». «Искра» занимается «открытой и подпольной травлей» Бунда и тем довела некоторых своих сторонников до «горячего бреда» антибундизма. «Искра» повинна в «империализме», и на ее «империалистском лбу надо выжечь» слова, долженствующие выражать ее «полнейшее презрение к еврейскому пролетариату». Если же «Искра», испугавшись подобных последнему обвинений, спешит объяснить, что она к антисемитизму не причастна и что такие подозрения со стороны бундовцев — результат «болезненно-мнительного чувства», ей свирепо-грозно отвечают: «Это не более как демагогическая пошлость». Дело «не в антисемитизме, а в организационной гегемонии, к которой вы упорно стремитесь и для достижения которой вы не разбираете никаких средств». При чем же все-таки «презрение к еврейскому пролетариату», если дело «не в антисемитизме, в котором никто никогда не думал вас обвинять»? Быть может, стремление к «гегемонии» порождает в «Искре» «презрение» вообще к пролетариату, не только к еврейскому? Подобное обвинение против «Искры» было высказываемо

и росту внутреннего рынка, наш протекционизм с самого начала задерживал, а не содействовал росту промышленности. В интересах фиска, т. е. для ведения бесполезных войн, для развития европейского милитаризма, пошлины все более и более увеличивались, и когда, казалось, промышленность достаточно выросла, чтобы стать на собственные ноги, гипертрофия протекционизма продолжала парализовать ее дальнейший рост, доводя до минимума конкуренцию между предпринимателями, поддерживая дороговизну многих предметов как личного, так и производительного потребления. С начала пятидесятых до середины семидесятых годов пошлины у нас взимались сравнительно низкие, и это оказало очень благотворное влияние на развитие нашей промышленности. Но затем стали руководствоваться «общими соображениями о надобности усиления ресурсов государственного казначейства». Так, в 1877 году, в самый разгар русско-турецкой войны, введена была уплата таможенных пошлин золотом, что сразу увеличило покровительственные пошлины на 33 процента и соответственно подняло цены на ввозимые товары. В 1881 году пошлины увеличены на 10 процентов, в 1885 г. — опять на 10 процентов и отчасти на 20%, а в 1890 г. последовало всеобщее повышение опять на 20%. Пересмотренный в 1891 г. тариф должен был объединить все предыдущие повышения и на деле принес новые повышения. Тогда европейская печать находила, что Россия дошла до крайних пределов покровительства, но новый тариф показал, что Европа ошибалась. Уже в 1889 году таможенный доход составлял 36½ процентов всей ценности ввоза, т. е. всякая вещь, стоившая за границей 63½ коп., пройдя через русскую пограничную таможню, стоила один рубль; в то же время таможенный доход Германии равнялся 8, а таможенный доход Австрии только 6 процент.

всей ценности ввоза. Паразитом живущее на народном теле самодержавие высасывает последние соки из народа, забываясь лишь о собственных интересах. Около 60 процентов государственных доходов дают косвенные налоги, и четвертую часть этих последних составляет таможенный доход. Очень небольшая часть этих денег выбрасывается самодержавием на удовлетворение культурных потребностей населения, как собаке бросают обглоданную кость; все остальное идет на содержание армии и флота, на содержание двора, полиции и чиновников. Обобранный народ лишен возможности удовлетворять хотя бы насущным потребностям, а когда оно поднимает голос против своих разорителей, то получает в ответ новые налоги, новые пошлины и казацкие нагайки. Впрочем, порядок обыкновенно бывает другой: сначала идут нагайки, а уже за ними вслед всякие другие казни. «После нас хоть потоп!» — думают министры его величества, но они не видят, что потоп гораздо ближе, чем они полагают.

[Д. Кольцов]

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕАКЦИЯ У НОГ РУССКОЙ ПОЛИЦИИ.

19 и 20 марта нового стиля в германском парламенте, при обсуждении бюджета министерства иностранных дел, товарищ Граднауер, от имени социал-демократической партии, запрашивал германское правительство о гнусных услугах, оказываемых им русскому самодержавию. Граднауер указал, что в Берлине существует особое русское полицейское отделение, специально шпионящее за русскими социалистами (добавим, что, по нашим сведениям, это отделение состоит в определенных отно-

г. Надеждиным и другими почтенными лицами. Если же мы повинны специально в презрении к рабочим-евреям, то не объяснит ли З. К. Б. нам, как совместить это обвинение с утверждением о том, что «в антисемитизме вас никто никогда не обвинял»? Было бы очень желательно, чтобы З. К. Б. не уклонился от ответа на этот ясный вопрос *.

«Искра» дает своим корреспондентам «ордер» — «греть против Бунда» (почему бы, о, редакция «П. И.», не пойти дальше и не предположить, что корреспонденты просто сочиняются в ред. «Искры»?); «Искра», разумеется, «заведомо неверно цитирует», она «мутит воду и ловит рыбу»; для характеристики ее добросовестности ее позволительно сравнить с «маститым сочинителем Бурениным».

Мы не станем, конечно, разбирать шаг за шагом статью «Посл. Изв.», мы не станем разговаривать о том, является ли «Искра» «пупом земли» (вместе с знаменитым «поганьем», этот перл литературного вкуса З. К. Б. неминуемо перейдет в историю российской словесности) и точно ли она желает эту «мысль» «вбарабанить в го-

лову читателя». Мы лишь вкратце ответим на некоторые из обвинений З. К. Б., которые построены на неверной передаче фактов или на забвении таковых.

Во-первых, «Искра» в № 33 сказала, что «Бунд поддерживал раскол за границей». Ред. «Посл. Изв.» очень... рассержена этими словами и вопит: «До сих пор нам говорили, что «раскол» вызван глубокими принципиальными разногласиями», теперь же хотят свалить всю вину на Бунд. «Это демагогия, господа, и худшего сорта». Где же тут противоречие? Да, «раскол» был вызван принципиальными разногласиями, но ведь вы — З. К. Б. — числились в стане той из разделенных принципиальными разногласиями фракций, которая отстаивала «новое» направление (экономизм), вызвавшее раскол «Союза». А после раскола вы — до осени 1901 г. — состояли в той из расколовшихся сторон, которая поддерживала русский экономизм. Правда ли это, господа? И если правда, то не в праве ли мы сказать, что «вы поддерживали раскол за границей», и отчасти постольку, поскольку сами были заражены «принципиальными разногласиями»? Но З. К. Б. находит, что наши слова об «экономизме» Бунда — злостная клевета. Ибо, если бы «экономизм» числился в историческом пассиве Бунда, то «почему вы («Искра») все время молчали?» Почему вы в течение двух лет своей страстной полемики с «экономизмом» не проронили об этом ни единого словечка?»

* На самом деле, в брошюре «К вопросу о национальной автономии» «Искра» была обвинена в содействии антисемитизму. З. К. Б. хорошо это знает, но он знает также, что слова «это демагогическая пошлость» довольно сильные слова. И он спешит проявить «силу» своего стиля.

шениях к берлинскому полицейскому управлению), что с нынешнего года при приеме русских в германские университеты их документы отсылаются на просмотр русской полиции и, соответственно ее отзыву, студент принимается или нет. Далее, Граднауер коснулся трех инцидентов, в которых проявился союз между русской и германской полицией: это — дела г-жи Кугель, г-жи Бухгольц и П. Калаева. О последнем деле мы уже сообщали в № 25; г-жа Кугель, старуха 65 лет, германская подданная и жена ремесленника, жившего у русской границы в Мемеле, была летом 1901 года арестована на русской стороне, куда перешла по пограничному билету, отвезена в Либавскую тюрьму и выпущена лишь после очень долгого заключения. Обвиняя ее в содействии перевозке русских и латышских соц.-дем. изданий (дело Ролау и Клявы), либавские жандармы требовали от г-жи Кугель, чтобы она дала показания о русских, навещавших ее мужа. Германское правительство не только — несмотря на два запроса соц.-демократов в рейхстаге — не вступилось за свою подданную, но германский консул, навещая ее в тюрьме, сам застрашивал ее в том смысле, что если она не даст нужных жандармам показаний, то будет сидеть очень долго.

Дело г-жи Бухгольц еще характернее. Германская подданная, г-жа Бухгольц попала в списки деп. полиции как «член берлинской организации «Искры». Когда она поехала в Россию, русский консул, как водится, визировал ее паспорт, как бы давая тем согласие русского правительства на ее в'езд, что не помешало ей вскоре быть арестованной в Казани и привезенной в Спб., где жандармы могли пред'явить ей только обвинения, касающиеся ее берлинской деятельности. Когда после нескольких месяцев заключения ее решили изгнать из России, то, несмотря на данное германскому послу

обещание, что она поедет на свой счет, русские власти отправили ее этапным порядком.

В ответ на запрос Граднауера, особенно напиравшего на предательское поведение германской дипломатии в деле ограждения интересов германских подданных, — мин. иностранных дел самым циничным образом подтвердил, что русская полиция, с согласия германского правительства, следит за русскими в Берлине. Он находил, что поведение русских жандармов в деле г-жи Кугель и петербургских властей в деле г-жи Бухгольц ни в чем не затрагивает чести Германии, а относительно гнусной выдачи Калаева не дал никаких объяснений, если не считать попытки причислить К. к анархистам, на основании «ужасной» фразы, взятой из одного найденного у него русского издания (слова: «мечь палачам»). На возражение о том, что преследуемые русские не имеют ничего общего с анархистами, министр имеет характерный ответ: теоретически, конечно, их надо отличать от анархистов, но надо иметь в виду русские порядки, с точки зрения которых соц.-демократы — государственные преступники. Очень хорошо! Лучше г. Рихтгофен не мог бы выразить той несомненной истины, что он готов бы выдавать турецкому деспоту армянских мучеников и китайскому правительству интеллигентных китайцев, ибо ведь и те и другие, если принять во внимание турецкие и китайские порядки, являются государственными преступниками! Словом, германское правительство недвусмысленно обещает и впредь оказывать подлые услуги русской жандармерии. Оно сможет это делать спокойно, ибо, кроме германской соц.-демократии, никто в стране не протестует против этого позора. Граднауер заклеил в своей речи немецких профессоров, которые терпят вмешательство русской полиции в дело приема студентов в университеты. Да что профессора! В рейхстаге ни одна

Полно, так ли мы уже молчали? Не припомнит ли автор, что он сам написал двумя столбцами раньше (стр. 3 № 109)? Там он заявил, что в книге Ленина, стр. 44, имеется «извращение» смысла резолюции IV с'езда Бунда. Извращения у Ленина, разумеется, не было, но была полемика против этой резолюции и доказательства того, что она продиктована традициями «экономизма». Ленин мог быть прав или нет, он мог верно передать или «извратить» смысл резолюции бундовского с'езда, но никак нельзя сказать, чтобы он в течение двух лет молчал о причастности Бунда к «экономизму». Согласится ли ред. «П. И.» с нами в этом, признается ли она, что ее слова о нашем былом молчании, якобы доказывающем лживость наших теперешних утверждений, основаны сами на плохой памяти?

Но не один Ленин занимался «экономизмом» Бунда. В статье «Об еврейском рабочем движении», появившейся в № 3—4 «Зари», обстоятельно доказывается, что весь-то русский «экономизм» явно-бундовского происхождения. Верно это или нет, но нельзя отрицать, что автор статьи не «молчал», по крайней мере на протяжении доброго десятка страниц. Но что З. К. Б. промолчал всю эту статью, как в той ее части, где она занимается влиянием бундовской тактики первых лет на создание русского «экономизма», так и в той, которая посвящена «национальной программе» Бунда, — это несомненный факт.

Может быть, после всех наших доводов З. К. Б. все еще уверен, что он с «экономизмом» ни в каком родстве не состоит? Поищем для окончательного его убеждения вполне беспристрастных свидетелей. Мы, пожалуй, вызвали бы небезызвестного г. Г. (см. Vademecum), но боимся, что товарищи из З. К. Б. не захотят оказать нам содействия в отыскании этого свидетеля. Ограничимся поэтому всего одним свидетелем, который недавно произнес след[ующие] слова: «До тех пор, пока основой наших организаций, как теперь в некоторых городах, будет продолжать служить профессиональное движение, до тех пор, пока «кассы» будут держать наших наиболее активных и развитых рабочих в умственном порабощении и отнимать у них все время и все силы, — до тех пор у нас такие (какие рекомендуются автором) революционные организации не разовьются». «Никто не станет отрицать, что до сих пор мы отдавали слишком много сил экономическим организациям и экономической борьбе». «Наши организации до сих пор тратили почти все свои силы на исключительную поддержку этих (профессиональных) союзов». А о прошлом времени свид. говорит: «Везде агитация в массе носила лишь экономический характер... даже политическая агитация тоже велась только на экономической почве». Свидетель этот — автор статьи: «Наша ближайшая орга-

буржуазная партия не подняла свой голос против травли русских борцов за свободу. Только один «свободо-мыслящий» пропищал несколько слов о том, что напрасно г-жу Бухгольц маяли по этапам. Немецкая буржуазия достаточно прогнила политически, чтобы относиться равнодушно к делу борцов за свободу и цивилизацию.

За несколько дней до дебатов в германском рейхстаге в Австрии был арестован с русскими соц.-демократическими изданиями один русский, которого австрийская полиция готовилась уже выдать России, чему помешало лишь вмешательство т. Дашинского (депутата). Тогда арестованного заключили в тарнопольскую тюрьму, у русинов соц.-дем. в Лемберге (Ганкевича и друг.) произвели обыски, и австрийская прокуратура начала следствие о провозе русской литературы в Россию. Как водится, и тут делаются попытки навязать нам «анархический» образ мыслей. И австрийские власти, подобно германским, проявляют при этом удивительное лакейство перед «наследственным врагом» — Россией. Аресту русского предшествовала с месяц назад конфискация австрийскими властями груза литературы («Искры»), пришедшего на одну пограничную станцию. Крестьяне, явившиеся за получением груза, были арестованы, для присутствия при допросе их приехал русский жандармский офицер. Этот господин, в присутствии австрийских чиновников, пытался подкупить крестьян, склоняя их к тому, чтобы они перешли границу с заранее заготовленными для них паспортами и указали жандармам лиц, которым они намеревались передать литературу. Крестьяне отказались, и их пришлось выпустить.

Случившееся в Австрии, несомненно, представляет один из результатов недавней поездки русского министра

иностранных дел графа Ламсдорфа по Австрии и балканским странам. Граф не только «умиротворял» македонскую революцию, он еще договаривался с правительствами о преследовании русских социалистов. После его поездки румынская полиция стала проявлять чрезвычайное усердие в этом направлении, а Болгария наводнилась русскими шпионами. Последние стараются даже проникнуть в болгарскую соц.-дем. партию.

Да что — Балканский полуостров! В конце прошлого года нам пришлось испытать натиск русской жандармерии даже... в Египте. По доносу одного негодяя, русский консул в Александрии отправился на русский пароход «Боржом» (перед его отходом) и произвел обыск вещей матросов, в которых нашел много изданий «Искры» и, кажется, «Свободы». Владелец груза, матрос В., успел бежать. В декабре консул узнал, что В. живет в Александрии в доме американской миссии, и потребовал его выдачи как анархиста, обвиняющего его в убийстве. Повидимому, были сфальсифицированы кое-какие документы для убеждения местных властей. Последние дали приказ об аресте, матрос был заключен в тюрьму и подвергнут допросу консула и какого-то приезжего русского чиновника... К счастью, так как арест произошел в здании миссии, в судьбе матроса, которого собирались уже выдать на русский пароход, принял участие американский консул, который, вкупе с английским консулом, противопоставил лживым утверждениям русской полиции удостоверение в том, что В. — социалист и ни к какому убийству не причастен. Матрос был освобожден. В настоящее время в Александрии множество русских сыщиков, проявляющих великое нахальство.

Наконец, на этих днях произошел арест гг. Гоца и Энгеля в Италии по обвинению русской полицией

низационная задача» в № 28 «Arbeiterstimme» за август 1902 г. *.

Не очевидно ли после всего этого, что «Искра» сочинила басню о былом «экономизме» Бунда? И тот, кто читал цитированную только что статью, не согласится ли с ред. «П. И.», что «Искра» проявила удивительное самохвальство, дав понять, что ее борьба с экономизмом помогла вытравлению этой болезни и из недр самого Бунда? Не правда ли, что эта статья, так решительно порывающая со всяким экономизмом и кустарничеством, написана автором совершенно самостоятельно и что встречающиеся в ней очень часто аргументы и даже выражения, за полгода до того высказанные Лениным, лишний раз свидетельствуют, что писатели «Искры», стремясь «не только к идейной, но и к организационной гегемонии», узурпируют те мысли, которые имеют еще высказать жертвы ее «диктаторского» честолюбия?

Второй пункт. «Искра» (в № 34) обвинила З. К. Б. в ребяческих воззрениях на крупные социальные явления, именно на антисемитизм. «Такого лестного отзыва, — отвечает З. К. Б., — мы удостоились за след. место из № 105 «П. И.»: «антисемитизм пустил корни и в рабо-

чей массе». Не правда это, господа! Не за это место вас обвинили в ребяческих воззрениях, а за ваше утверждение, что взгляды Екат. Комитета на этот вопрос, взгляды, разделяемые всей револ. соц.-дем. (именно, что антисемитизм есть выразитель интересов определенных буржуазных слоев общества), являются «вредной сказкой». Сказали вы это, господа, в № 105, да или нет? И если к № 112 «П. И.» вы до такой степени устыдились шовинистической своей выходки в № 105, что не желаете напомнить о ней читателю, то поразительной... смелостью является ваша попытка обвинить нас в передержке по этому пункту. Пустил ли антисемитизм корни в рабочей массе или нет, — об этом мы с вами не спорили ни единым словом, и ни на чем не основано ваше утверждение, будто мы вам приписали мысль о «связи антисемитизма с интересами рабочих слоев населения» (эти слова поставлены в № 112 в кавычки, а между тем их нет в тексте № 34 «Искры»). И вот, совершив такое... перемещение пункта спора, З. К. Б. заявляет, что передержка, якобы совершенная «Искрой», может быть квалифицирована как достойная Буренина! Воистину: медведь козу дерет, да сам же и ревет.

Пункт третий. «Искра» заявила, что самостоятельная организация еврейского пролетариата будет «организа-

* Русский перевод статьи издан З. К. Б.; см. стр. 7, 11, 12 и 13.

в соучастии с Балмашевым. Итальянское правительство оказало любезную услугу русским жандармам, и нет сомнения, что содержание взятых у Гоца бумаг станет известно русскому консулу.

Против русского революционного движения, повидимому, готовятся заключить союз реакционные правительства всех стран. Что ж! Этот союз не остановит развития нашего дела, хотя и отзовется на нас новыми жертвами. Но полицейское сотрудничество буржуазной Европы с русским царизмом будет содействовать усвоению русскими революционерами той истины, что вне социалистического пролетариата дело русской свободы не имеет надежных друзей в Европе. Предстоящая России революция будет иметь не национальное только, а мировое значение. Она нанесет смертельный удар всевропейской реакции, зловреднейшим вдохновителем которой является русский самодержец. Тем самым русская революция будет способствовать более успешному, более быстрому развитию дела социализма на Западе. Сознание великого исторического значения нашего движения поможет нам легко перенести те новые испытания, которыми грозит нам поступление европейских правительств на службу в русский департамент полиции.

[Л. Мартов]

«СОЦИАЛИЗАЦИЯ», «КООПЕРАЦИЯ» И ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА «СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ».

В ряду отличительных черт т. н. «партии соц.-рев.» стоят: «социализация», «кооперация» и обилие популярной литературы. Как ни разноценны эти качества, но мы их объединили в заголовке нашей заметки, так как,

цией бессилия». З. К. Б. кажется, что, сказав это, «Искра» «забыла всякую осторожность и высказала некоторые свои сокровенные (!) мысли, проливающие много света на физиономию «общерусской организации»; эти слова следует поэтому «выжечь на империалистском лбу «Искры», как свидетельство ее полнейшего презрения к еврейскому пролетариату». Очень сердито. Но уверяем вас, что нет никакой надобности выжигать эти роковые слова на нашем лбу: мы надеемся их часто еще повторять еврейским рабочим. Мы всегда будем твердить им, что «самостоятельная политическая партия» еврейского пролетариата обречена на бессилие в борьбе с русским царизмом; что весь российский пролетариат обречен на такое же бессилие, если распадется на ряд «независимых» политических партий, организованных в пределах одного района или среди одной народности.

Пункт четвертый, резюмирующий все прочие. «„Искра“ заговаривает о Бунде только тогда, когда ей представляется случай его лягнуть» (№ 109, стр. 1). Это до такой степени верно, что на стр. 4 того же бюллетеня сказано, что «Искра» называла Бунд «прочной», «большой», «образцовой» организацией и «посылала русских товарищей к ней на выручку». «Ваши эпитеты, господа!» — нравоучительно подчеркивает автор, очевидно, желая «вбарабанить» (ваш эпитет, господа!) читателю

во-первых, хотим произвести краткую качественную оценку популярной литературе соц.-рев., которая до сих пор «оценивалась» только в тысячах экземпляров и в пудах, и, во-вторых, заодно уж посмотреть: в каком виде доходят до мужика те «программные» пункты, которые в «Рев. Росс.» окружены частоклоном хищнически надерганных цитат и которые должны обеспечить «партии соц.-рев.» право на самобытное существование.

Эту непривлекательную работу мы нашли нужным произвести в предупреждение действующих в России товарищей. Недостаток соц.-демократической литературы, пригодной для обращения среди крестьян, может натолкнуть иных из товарищей-практиков на популярную литературу соц.-рев. А качества этой последней, говоря мягко, вызывают на размышления. Распространять ее — значит подчас говорить мужику заведомую неправду. Мы ниже покажем это. А сейчас сделаем указание на одну характерную черту соц.-революционной литературы для «народа» — ее нередкое неприличие, свидетельствующее о неуважении к личности читателя. «Рев. Росс.» много говорила о своем органическом отвращении к «приемам вульгарной и пошлой буржуазной прессы» и клялась у алтаря социализма проявить «созидательную силу, творящую новые формы во всех областях мысли и жизни» (№ 11). Но это, очевидно, для господ. А в литературе для народа «созидательная сила», направленная на «новые формы», сказалась только в нецензурных выражениях, каковая нецензурность не имеет никакого отношения к политике.

Смеем думать, что «Центральный Комитет» партии соц.-рев., уже однажды (и притом единственный раз) проявивший свою власть... в цензурной области, должен был бы снова выйти из состояния летаргии и подвергнуть

в голову, что «Искра» не только «лягала» Бунд, но и в лестных выражениях оценивала его достоинства. Автор к 4-й странице успел забыть, что ему нужно притворяться, будто бы «Искра» только и делает, что «лягает». Следует лучше обдумывать, что пишешь, и сводить как-нибудь концы с концами в своей полемике.

А теперь перейдем к самой сути вопроса, вновь затемненного людьми, не желающими или не умеющими объяснить, что называется, начистоту. Нужна ли, в самом деле, «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату в России? Мы, так называемые «империалисты», думаем, что такая отдельная партия не нужна еврейским рабочим, как она не нужна рабочим Уральского или Сибирского района. З. К. Б. с этим не согласен. Но он идет далее: он продолжает утверждать, что такая отдельная политическая партия еврейских рабочих уже существует и что мы или проглядели ее по своей слепоте или злоумышленно ее игнорируем. Странно! А между тем, несомненный факт, что Бунд примкнул к Орг. К. Последний есть «О. К. Росс. С.-Д. Р. П.», название каковой партии значит до сих пор в заголовке некоторых изданий Бунда. Задача О. К. — подготовить организационное единство Росс. С.-Д. Р. П. Входя в его состав, Бунд тем самым берет на себя содействовать этому организационному объединению. Каким же

цензурному запрету некоторые литературные произведения своей партии*. По «независящим обстоятельствам» воздерживаемся от цитат.

Теперь от формы к содержанию.

В брошюре «Воля Царская и Воля Народная», 1902 г. (изд. «Аграрно-Социалистической Лиги», «при-мыкающей по своей программе к Крестьянскому Союзу Партии С.-Р.» и состоящей с этой партией в федеративных отношениях) вот как резюмируется анализ современных социальных отношений: «Итак, против рабочего народа царь имеет в своих руках две огромные силы: во-первых — армию чиновников, солдат, полицейских и жандармов и во-вторых — крупных землевладельцев и капиталистов-промышленников, денежных людей. Теперь всем стало ясно, что эти две силы — тоже два родные брата, или две руки самодержавного царя (курс. наш), а рука руку моет, и ворон ворону глаз не выклюет. И не кончится эта мука рабочего народа до тех пор, пока все начальство назначается царем, а не выбирается народом, т. е. пока будет на Руси царское самодержавие».

«Нужно заставить царя, чтобы он созвал выборных всего народа в Земский Собор, и какие они порядки установят, так тому и быть, и чтоб царю их слушаться и без их согласия не распоряжаться... Тогда только настанет мир на Руси и тогда только можно будет народу лучше устроиться, ввести больше равенства и справедливости» (стр. 33).

Как все просто! Царь. У царя две руки. Одна рука — землевладельцы, промышленники и денежные люди

* См., напр., рассказ Сушинского в № 2 «Народное Дело» или брошюру Ивана Вольного «За веру, царя и отечество».

(капитализм?). Другая рука — жандармерия. Стоит «посадить царя и его министров на отчет» (стр. 41) — и «мука рабочего народа» исчезнет, на Руси настанет желанный мир. «В этом весь и секрет!» — говорит мужику Аграрно-Социал. Лига (стр. 41).

Как все просто! Но вместе с тем: как все... смело! Впрочем, Крестьянский Союз давно уже сказал: «В такие времена, как наши, целесообразна одна смелость!» («Р. Р. № 8»).

В брошюре «Ко всему русскому крестьянству — от Крестьянского Союза П. С.-Р.» (1902 г.) развивается такая социальная философия: «Отдельные помещики и богатые — это только малые медвежата. Их можно бы всех побрать голыми руками, да сначала нужно одолеть большого медведя — царя и его правительство. Нужно приготовиться, собраться с силами, сбить большую облаву, с ружьями и рогатинами, чтобы покончить с медведем, а там уже хозяйничай в его берлоге, как умеешь и как знаешь» (стр. 11 и 12). «Социалисты-революционеры, — говорит та же брошюра, — хотят во что бы то ни стало добиться правды на земле» (стр. 15). Очень, очень похвальная цель. Но люди, которые сами говорят неправду, не годятся для осуществления такой задачи.

Средства борьбы, рекомендуемые Крестьянским Союзом, очень разнообразны: «Тут могут послужить и порубки, и пожары „от неизвестных причин“, и всякие другие способы...» (стр. 22). «Кроме того, мир всегда может... в подрыв кулаку-ростовщику завести свою общественную кассу, общественную селялку и тому подобное...» (стр. 22). С одной стороны, пожары «от неизвестной причины», с другой стороны — общественная селялка. Если не ошибаемся, это называется «широтою».

образом Бунд может одновременно составлять часть партии и — «самостоятельную партию»? З. К. Б. отвечает: фактически Бунд является самостоятельной партией. «Бунд, со дня своего образования, вплоть до наших дней, работал и развивался как совершенно самостоятельная организация. Ни у кого не спрашивая (спрашивать не у кого было), справляясь с интересами еврейского пролетариата, он совершенствовал, менял и умножал свои органы, расширял поле своей деятельности; разрешал все (!) вопросы теории (!!) и практики, — как частные, так и общие, — выработал даже свою национальную программу, и когда таким образом выросла самостоятельная партия еврейского пролетариата, „Искра“ таращит глаза от удивления» и т. д. Но не замечает ли З. К. Б., что совершенно то же самое может сказать о себе всякий комитет росс. партии? Оглядываясь на свою историю с того времени, как только что образовавшаяся партия оказалась организационно-разрозненной, каждый комитет может сказать, что он «развивался, как совершенно самостоятельная организация», «ни у кого не спрашивая и справляясь с интересами местного пролетариата», как он их понимал, конечно. Каждый комитет самостоятельно «разрешал», конечно, не «все вопросы теории и практики», как Бунд, но, по крайней мере, те вопросы политической практики, которые как-нибудь решить под силу отдельной район-

ной или местной организации. О разрешении вопросов «теории» не могло быть для отдельного комитета речи постольку, поскольку столь узкими рамками сдвленная работа и не требовала определенного ответа на эти вопросы; и мы думаем, что более согласно с истиной и с уважением к теории будет сказать, что если Бунд, как таковой, за время своего обособленного существования, и «разрешал все вопросы теории», то лишь в том смысле, что проходил мимо них. Ведь Бунд, как таковой, не выработал своей особой политической программы — этой сводки в применении к политической практике основных положений партийной «теории»... Несколько программных резолюций, выработанных отдельными с'ездами по вопросам злободневного характера, еще не позволяют говорить о своей «теории» или о своей программе.

И подобно Бунду, не один русский комитет мог бы сказать себе, что, «решая все вопросы дня», он считался лишь с интересами местного движения. Это было неизбежно при условии раздробленности партии, но это-то обстоятельство и завело наше движение в тот тупой переулочек, из которого необходимо выйти ценой героических усилий. Это-то и создало в партии ту атмосферу кустарнических точек зрения, местных интересов и микроскопических «задач», в которой движение стало задыхаться и из которой наиболее созна-

Кстати. Мы ничего не знаем о генеалогии Крестьянского Союза. Но надо думать, что в его состав вошли организации, построенные по «Уставу Братства для защиты народных прав», изданному в 1899 г. «Союзом русских социалистов-революционеров». В этом крайне поучительном документе имеется, между прочим, такой пункт: «Все члены дают присягу (sic!) или торжественное обещание свято хранить верность братству» (стр. 16).

Присяга, лесная порубка, царь на учете, общественные сеялки и «уравнительные» пожары от неизвестной причины... «Социалисты-революционеры хотят во что бы то ни стало добиться правды на земле!»

Они так спешат к своей высокой цели, что нередко наступают себе правой ногой на левую. Они отказались, напр., выставить определенную минимальную программу, дабы не впасть в «беспочвенное прожектерство» (в духе «Искры»). Доколе не уничтожено самодержавие, «нам еще рано более детально выяснять будущий характер наших положительных государственных работ» («Рев. Росс.» № 15 (курсив наш)). Это для чистой публики. А для «рабочего класса» соц.-революц. выставляют в популярных брошюрах детально разработанные программы, не дожидаясь призыва (в буржуазно-конституционном государстве!) к «положительным государственным работам».

В двух брошюрах Крестьянского Союза: «Несправедливое устройство русского государства» (стр. 30) и «Ко всему русскому крестьянству» (стр. 28) выставлены две программы (по пунктам), которые только тем похожи друг на друга, что обе смешивают минимальные требования с конечной целью. Подробно разбирать эти плоды «беспочвенного прожектерства», долженствующего лечь в основу «социал-революционных» «государственных ра-

бот», было бы слишком непроизводительно. Но в обеих программах заслуживает внимания одно обстоятельство, в высокой степени поразительное.

Мы теперь уже доподлинно знаем, что «в аграрной программе-минимум Партии Соц.-Рев. особенно видное место занимают два пункта: требование социализации земли и стремление («пункт») к развитию сельскохозяйственных трудовых товариществ или коопераций» («Р. Р.» № 14).

Но если мы обратимся к брошюрам и «программам», рассчитанным на мужика, то кооперации тут не сыщем и со свечой, а социализация предстанет перед нами в самом неожиданном виде.

В программе брошюры «Несправедливое устройство...» говорится, правда (п. 1), что землю должно «сделать общественным достоянием», но тут же указано, что «раньше, чем это дело будет закончено, необходимо даром прирезать крестьянам земли, сколько им надо, из лежащих пустыми или сдаваемых частным арендаторам земель».

Чтобы понять, какой «программный» смысл имеет даровая прирезка, нужно взять п. 3, который гласит, что фабрики и заводы должны принадлежать «всему рабочему народу», причем прибавляется, что, «пока удастся это исполнить», необходимо улучшить положение рабочих путем фабричного законодательства.

Таким образом, социализация земли уравнивается с социализацией фабрик и отходит в область конечных целей. В минимальной программе, наряду с фабричным законодательством, оказывается... даровая прирезка. Значит, г. Рудин *, против наших «отрезков» стоят

* См. в № 3 «Вестника Русск. Рев.» его статью «К крестьянскому вопросу».

тельные члены партии стараются его вывести. А чтобы вывести движение на новый путь, необходимо покончить с той «самостоятельностью» своего «прихода», при которой каждая отдельная организация «решает все вопросы, ни у кого не спрашивая» и считаясь лишь с «интересами своего пролетариата», и когда важнейшие вопросы теории и программы просто ускользают из поля зрения местных деятелей или же «решаются» применительно к убожеству местных «интересов». Вот почему приходским «патриотам» заботы о действительном объединении нашей партии должны казаться злоумышлением против их собственной «самостоятельности». Но, к счастью, таких «патриотов» становится у нас все меньше. Большинство местных и районных организаций решительно идет навстречу такому ограничению своей «самостоятельности», которое связано с функционированием единой партии.

В числе прочих «обвинений», выставленных против нас сердитым З. К. Б., стоит такое: вы стремитесь к организационной гегемонии. Друзья мои! Мы готовы открыто признать, что именно к этому мы стремимся, только... к гегемонии чьей? Организация «Искры» взяла на себя подготовительную работу, необходимую для действия объединенной партии. С завершением этой работы особая организация «Искры» не будет нужна. Плодом ее работы, в которой теперь принимает участие

большинство местных организаций, явится централизованная «боевая организация» русской социал-демократии, которая будет представлять партию в целом. Вот именно к «гегемонии» партии в целом над ее многочисленными отдельными частями мы и стремимся. Партия должна руководить работой отдельных своих частей. И Бунд, как одна из таких частей, должен, по нашему мнению, признать над собою такую «гегемонию» всей партии, в определении воли которой он, конечно, будет участвовать. Ставя такое требование, проявляем ли мы «презрение к еврейскому пролетариату?» Уверенные в том, что выделение еврейских организаций в особую партию будет «организацией бессилия» — как бессилия еврейского рабочего движения, так и бессилия всего расколовшегося российского движения, — говоря это, обижаем ли мы какие-либо законные чувства? Неужели вызванная партийной дезорганизованностью обособленность Бунда от прочих частей партии уже успела вырыть между нами такую пропасть, что бундовцы не могут уже понять мотивов, руководящих русскими социал-демократами в их борьбе за «гегемонию» движения в целом над частными движениями евреев, великоруссов, малоруссов, грузин и т. д.?

Отвечая на статью в № 33 «Искры», З. К. Б. заявил, что из всего в ней сказанного он приветствует только след.: «пока мы не стали едины организационно и не

у вас «прирезки», а не социализация? Иначе почему не противопоставлять нашему требованию 8-час. раб. дня вашей социализации фабрик?

Еще поучительнее программа, выставленная в брошюре «Ко всему русскому крестьянству».

Пункт 10 требует, чтобы наемных рабочих «защищали особые законы от произвола и притеснений хозяев»... Пункт 11 — «чтобы такую же законную защиту имели труженики-арендаторы помещичьих земель (значит, остаются?) и чтобы арендная плата могла браться только из чистого дохода»... И пункт 12 — «чтобы, наконец, был принят целый ряд мер для перехода всей земли, всех фабрик, заводов, железных дорог, рудников из рук отдельных хозяев в руки всего народа». Последнее требование похоже на социализм. Но тогда в аграрной программе-минимум остается только контроль над арендными сделками. Это требование имеется и в нашем проекте программы, рядом с преследующим ту же цель возвращением отрезков. Таким образом, нашим отрезкам соответствуют у вас уже и не социализация и не прирезка, а просто... пустое место.

Замечательное дело! Наш проект программы — «кабинетная выдумка». Социализация же с кооперацией вырваны с корнем из крестьянской жизни. Но в популяризации социал-революционной «программы» для мужика кооперация либо совершенно проваливается, либо вместе с социализацией входит составной частью в социалистический строй. Что ж это значит? Г. Рудин, мечущий молнии, видом малые и не смертельные, рекомендует нам отказаться от «односторонней формулы социализации сверху, через пролетаризацию», — тогда как есть путь более прямой: снизу, через кооперацию. Казалось бы, этот путь необходимо, нимало не медля, указать «всему русскому крестьянству». А между тем,

встали твердо на верный путь, соединение с нами ничего не даст „всем другим“ национальностям». З. К. Б. «готов подписаться под каждым словом этого заявления», но жалеет, что «Искра» не сделала необходимого вывода из этих слов в применении к предмету полемики. Мы не ошибемся, если скажем, что З. К. Б. имел в виду такую мысль: пока русская социал-демократия не объединится, соединение с ней «ничего не даст» организованному еврейскому пролетариату. Так рассуждать может лишь тот, кто успел совершенно позабыть о всякой связи между Бундом и русским движением, русской соц.-демократией. Так думать может лишь тот, кто стоит на точке зрения, выражаемой словами: «мое дело — сторона». Мы же думаем, что кровные интересы еврейского пролетариата требуют отказа от такой точки зрения, требуют решительного, не со стороны, а непосредственного участия Бунда в деле организации единой росс. партии. С точки зрения интересов «прихода», такое участие требует больших жертв, — жертв и своей «самостоятельностью», и силами своей организации, и ее денежными средствами. Но точка зрения интересов прихода — ложная точка зрения, оставшаяся как наследие периода организационного кустарничества. С точки зрения действительно партийной социалист-еврей обязан, где бы он ни работал, активно содействовать классовой борьбе русского пролетариата в целом

Крестьянский Союз тщательно конспирирует от мужика два «наиболее характерных» пункта своей аграрной программы-минимум. Не придет ли таким путем «партия соц.-рев.» к той же «односторонней формуле социализации сверху», но, разумеется, не через «пролетаризацию», а, например, через захват власти небезызвестной Боевой Организацией?... Или, может быть, партия отложит «наиболее характерные» пункты своей программы-минимум до того момента, когда ее призовут к «положительным государственным работам»? Разъясните это недоумение, г. Рудин!

[Н. Троцкий]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая демонстрация в Ростове-на-Дону. Сообщаю вам очень и очень интересную новость: вчера, 2 марта, около 5 часов вечера, у нас состоялась уличная демонстрация весьма внушительных размеров. Дело было так: в 4 часа дня в Темерницкой балке собралось, по обыкновению, очень много народа поглазеть на «кулачки», которые устраиваются там по праздникам. Так как демонстрацию заранее подготовил Донской Комитет, то, по его призыву, туда же явилось несколько сот рабочих и после коротенькой речи развернули два красных знамени и двинулись в город. На знаменах было написано очень ясно и четко белой краской, на одном: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день», а на другом: «Да здравствует политическая свобода». Полиция, присутствовавшая на кулачках, не будучи ни о чем осведомлена, страшно растерялась и сначала даже не догадалась, что ей делать. Между тем, душ 400 или даже больше рабочих, сопровождаемые многочисленной толпой, вооруженные камнями, палками и еще кое-чем, с криками «ура», «долой самодержавие» и

и не дожидаясь, пока он составит сильную партию чтобы вступить с ним в «федеративную» связь, а помогать ему образовывать такую партию. Самодержавие будет свалено натиском всех сил русского пролетариата, и как бы ни была совершенна организация той относительно незначительной его части, которую составляют евреи, — пока организация громадного большинства пролетариата, крупной промышленности хромает на обе ноги, до тех пор самая интенсивная, самоотверженная работа в своем уголке не приносит и десятой доли тех результатов, которые она могла бы принести. Разве вы не видели этого в прошлом году, когда дикий набег фон-Валя заставил вас подумать даже о том, что правительственная «тактика обещания», не встречая победоносного отпора, сможет деморализовать еврейский пролет и когда в стремлении этому помешать вы схватились было за «организованную месть»? Неужели вы не подумали тогда о том, что, затратив только часть своих сил на планомерную и активную работу для партии в целом, вы, попав на наиболее обстреливаемый врагами пункт, а вместе с вами и все мы имели бы возможность отвечать правительству победоносным массовым отпором пролетариата всей страны?

В настоящее время в «Бунде» совершается реформа, имеющая целью освободить его от той связи с профессиональными союзами, которая создалась в период

пением «Марсельезы» подошли к Далматовскому переулку. Двое военных, ехавших случайно по улице, увидав шествие, соскочили с извозчика, и один из них бросился в толпу, желая отнять знамя, но его здорово помяли и отбросили в сторону. Та же участь постигла нескольких городских, пытавшихся сделать то же самое. В них бросали камнями, которые, пролетая мимо, попадали в окна магазинов, так что у Шпехта и других стекла совсем выбивали. Так дошли до Таганрогского переулка, где на время шествие приостановилось для того, чтобы собрать рассыпавшихся по сторонам рабочих, и затем, сплотившись, прошли до Соборного переулка, откуда повернули обратно, прошли до Таганрогского и затем снова поднялись наверх, вплоть до Большого проспекта. Все это время перепуганная и растерявшаяся полиция делала попытки приостановить демонстрацию, но, получив сильный и решительный отпор, пошла, в количестве 10 или 12 чел., впереди демонстрантов, изображая собою как бы вожakov демонстрации. Зрелище получилось очень любопытное. Было сделано два холостых выстрела, как говорят, начальником охранного отделения Верещагиным. Это произвело впечатление, и публика пустилась бежать, но, увидев, что выстрелы прекратились, тотчас же остановилась.

На Большом проспекте какой-то офицер приказал извозчикам стать поперек Садовой, и только тогда знамена были спрятаны и центр понемногу исчез. Вся же остальная масса продолжала оставаться на Садовой. Было уже около шести часов вечера, публика вышла как раз на гулянье, и образовалась толпа тысяч в 15—20. Тут только появилась кучка пеших казаков, а потом и конные. Казаки загнали публику на Большой проспект, стали везжать на тротуар и разгонять толпу. Около Нового Базара есть навес, под которым обыкновенно нанимают прислугу. Под этот навес загнали народ и здорово, проклятые башибузуки, избили несколько человек. Вообще полиция свирепствовала под конец ужасно. Незадолго еще до приезда казаков несколько человек полицейских, выхвативши шашки и держа их горизонтально, бросились на толпу. Затем пристав какой-то ни за что ни про что сильно ударил ученика Пресманской школы, переходившего дорогу. Публика толпилась на Садовой еще часов до восьми. Жандармский полковник Артемьев пришел под конец и, прижавшись

к будке на Большом проспекте, смотрел как-то растерянно вокруг. Особенно возмутительно вел себя один шпик, рыжий такой, с еврейской физиономией. Вскочив на лошадь, он промчался по Садовой, вертя нагайкой и выставя ее напоказ всей публике. Вслед ему посыпались, конечно, угрозы, но он уже больше не появлялся... Озлобление и возбуждение среди рабочих было очень сильное: когда на балконах появились фигуры богачей, вышедших посмотреть на небывалое зрелище, то со всех сторон на них посыпались крики: «кровопийцы, буржуи, обжоры!», подымались кулаки, но дальше этого дело, к счастью, не шло. Шпики метили мелом подозрительных... В общем, можно сказать, что демонстрация удалась как нельзя лучше и впечатление произвела невероятное. Арестованных на улице рабочих человек двадцать. В демонстрации участвовали и женщины-работницы. Раненых рабочих не знаю сколько, но, кажется, меньше, чем военных. Здорово влетело приставам Антонову и Петровскому и нескольким офицерам. Но что всего хуже, так это то, что арестованных 2 марта на улице рабочих полиция сильно избивала в участке.

Из письма другого корреспондента:

Из года в год, великим постом, по воскресеньям у нас за Темерником устраиваются «кулачки». Иногда собирается масса народу от 5 до 6 тысяч. Картина грубая, ужасная.

За некоторое время до «кулачков» Донской Комитет стал устраивать вечерние сходки рабочих в степи. На одной из таких сходок, а именно за день до демонстрации, рабочие были приглашены на «кулачки», разумеется, не драться. Назавтра рабочие стали стекаться за Темерник на «кулачки», это было часа в три. На этот раз «кулачки» были как раз в той балке, где происходили сходки во время стачки. Собралась многотысячная толпа. Д. К. решил использовать момент, и вот, когда «кулачки» притихли, были выкинуты знамена и оратор обратился с речью, в которой приглашал рабочих пойти в город на демонстрацию. Картина была величественная. Мы окружали оратора, держа его на плечах, над нами развевались знамена. Достаточно было нескольких слов оратора, чтобы вся эта толпа с революционными песнями и криками: «долой самодержавие» и друг. двинулась демонстративно через Темерник в город.

экономизма. Бунд, как он сам заявляет, стремится стать организацией «профессиональных революционеров». Но такая организация, руководящая всей классовой борьбой пролетариата и всей демократической борьбой с царизмом, может сложиться только на широкой арене «общерусского» дела. Ее политическая программа, ее планомерная тактика могут явиться только результатом коллективного творчества всех сил русской соц.-демократии. Близорукие кустари могут, конечно, держаться того золотого правила, что «лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме», и в виду этого желать распада Рима на несколько более или менее «самостоятельных» деревень. Но тип кустика вытесняется в нашем движении типом действительного революционера, который, не беспокоясь о том нумере, который ему придется занять в «Риме», энергично работает над достойной революционера задачей — постройкой этого «единого и нераздельного» Рима. И никакие искусственно придуманные ярлычки национализма не устраняют того факта, что сказка о нашем так наз. «империализме» сложилась как результат все той же борьбы между революционерами и кустарями в нашем движении, которая ведется уже не первый год.

Борьба эта приходит к концу. Жизнь своими уроками требует торжества наших «империалистских» принципов. Кустарные точки зрения должны быть сданы

в архив нашей партии, иначе их рыцарей ждет насмешка и несочувствие со стороны большинства соц.-демократов. В этом, и только в этом, причины того «широкого разлитого настроения» в партии, которое З. К-ту кажется специфической враждой к Бунду. Нет, не противники Бунда, не противники еврейского сознательного движения те, кто говорит ему: вы сделали когда-то много для нашего общего дела, сбросьте с себя последние путы организационного кустарничества и, заняв место в наших рядах, работайте вместе с нами!

[Л. Мартов]

Мы, человек восемь с оратором посредине, шли впереди, в двух шагах за нами красные знамена, а за ними многотысячная толпа с организованными рабочими во главе... Через час город оглашался революционными песнями и возгласами: «долгой самодержавие» и т. д. К нам присоединилась масса публики, толпа все росла и росла, сливаясь в один могучий организм. Вот на Братском переулке жандармы и полиция делают попытку отобрать знамена, но, пораженные градом камней, обращаются в постыдное бегство. Мы продолжали шествовать победоносно по Больш. Сад. и добираемся до Таганрогск. просп.; здесь раздаются выстрелы: стреляли околоточные, но, к счастью, никого не убили и не ранили.

Но напрасно было их усердие. Демонстрацию все равно решили прекратить; спрятали знамена и решили расходиться. И вот только теперь полиция пустила в ход свое искусство. Она выхватывала из толпы кого попало и за что попало. Мы защищались очень энергично, многих арестованных отбили. Кроме того, нам удалось хорошо отделаться проволокой, которую мы протянули, когда убегали. Полиция, не видевшая ее, так и падала, путаясь в ней. Вы помните, что нам приходилось переживать во время стачки, теперь нечто еще большее, еще грандиознее. Я никогда не забуду 2 марта. Настроение рабочих и всех нас прекрасное. Мы торжествуем победу.

Томск. Дождь и Томск кровавых дней. Вчера 18 февраля имела здесь место демонстрация, незначительная своими размерами, но могущая стать знаменательной своими последствиями. В камере мирового судьи разбиралось дело одного студента, привлеченного другим студентом, известным шпионом Соловкиным, к ответственности за клевету. При слушании этого дела присутствовало несколько десятков студентов, которые своим явно враждебным отношением к шпиону, своими свистками вызвали столкновение с мировым судьей. Возбужденная группа студентов с пением революционных песен направилась к университету и Технологическому институту, где к ним примкнули многие из товарищей. Всего собралось человек 200. Настроение собравшихся было слишком приподнято, чтобы разойтись по домам, и все горячо приветствовали предложение направиться в город. Красный флаг (у кого-то нашелся красный шарф) взвился над толпой. Раздалось стройное громкое пение. Толпа росла и торжественно медленно подвигалась по главной улице города. Явилась полиция, она присоединилась к демонстрантам и тихо маршировала вместе с ними под звуки «Марсельезы», «Дубинушки», «Сбейте оковы». Прошли версты полторы. Впереди шел полицеймейстер и несколько приставов, к концу пути явился и губернатор. Дорога лежала через мост около городской полиции и базарной площади. Здесь-то и была устроена засада: выехавшая пожарная команда, сотни телег извозчиков — легковых и ломовых, задержанные полицией обозы загородили большим полукругом дорогу, оставив значительную площадь для поля битвы. Еще далеко были демонстранты, как полиция заставила базарных торговцев закрыть лавки и двинуть свою рать на битву с бунтовщиками.

Выстроились несколько десятков служителей пожарной команды, десятка два-три жандармов, множество городских пеших и конных. Замерли последние звуки «Дубинушки»; почти тысячная толпа медленно продолжала двигаться вперед; высоко развевалось красное знамя; минута зловещей тишины, чья-то команда: «вперед» — и глазам представилась ужасная картина. Конные врезались в толпу, топтали упавших, свистели нагайки, в воздухе мелькали палки. Стали ловить отдельных студентов, пойманных отбивали товарищи, но силы озверевших башибузуков были велики. В этот момент правительство нашло себе поддержку в мелких торговцах и извозчиках, — обещанные рубли делали свое дело, — и избитая толпа, несмотря на горячее, упорное сопротивление, была рассеяна. Много избитых; пятерых немедленно увезли в больницу, один, говорят, умирает. Захвачено было во двор городской полиции 65 человек, в том числе несколько частных лиц. Некоторых, тяжело избитых, потерявших сознание, удалось вырвать и увезти. Много сильно избитых и среди арестованных. Поплатились и враги, но, к сожалению, не так тяжело. Побит

полицеймейстер, пришлось на долю и губернатора. Один полицейский ранен перочинным ножом, другой получил тяжелый удар дубиной по голове. Арестованных переписали, продержали во дворе до семи часов вечера, а затем отпустили, задержав частных лиц.

Нам наверное известно, что всех намеревались отправить в тюрьму, но тысячная толпа, стоящая перед полицией и увеличивавшаяся с часу в час, заставила ожидать новой демонстрации.

Настроение среди всех более или менее сознательных слоев общества напряженное.

Один студент сообщает о той же бойне: «Я с несколькими вздумал убеждать Вяземского (губернатора) прекратить бойню в таких приблизительно выражениях: „стыдись, постыдись своей седины, не отдавай безоружных зверям; ты забыл, что культура сеется не кулаком“ и т. д. Только теперь я понимаю, насколько глупо было убеждать Вяземского. Он молчал. Били не только студентов, избивали прис. пов. Вознесенского; били всех, кого вздумается любому дворнику».

Позднейшее сообщение из Томска говорит об успешном ответе студентов и рабочих на избивание 18 февраля: «День 19 февраля был посвящен пропаганде среди рабочих, а вечером во втором студенческом общежитии была предварительная соединенная сходка с участием представителей от рабочих, которая постановила назначить, т. е. на 20 февраля, назначить в Технол. инст. и в университете сходку, а после оной демонстрацию. В 11 час. утра 20 февраля в первой аудитории университета собралась грандиозная сходка, превышавшая по численности все до сих пор бывшие у нас. После недолгих прений было решено „выйти на мирную демонстрацию со знаменами, разбрасыванием прокламаций, революционными возгласами и пением, и, сказав подобающие речи, разойтись“. Выйдя из университета, студенты направилась к Технологическому, откуда вышли технологи. Все направились очень медленным шагом на Почтамтскую; толпа выросла до грандиозных размеров, сегодня явилась масса рабочих, типографчиков и прочей сочувствующей публики, так что подоспевшая полиция, не имея никакого подкрепления, держала себя пока в высшей степени корректно. Выйдя на Соборную площадь, толпа значительно увеличилась. Были вызваны солдаты в полном вооружении, которые загородили дорогу около магазина Гадалова на Почтамтской ул. Толпа повернула назад. Попытка полиции отделить студентов и оцепить их не увенчалась успехом. Солдаты начали оцеплять студентов около клиники, но студенты вошли в здание и прошли проходными дворами. Тогда солдаты были отпущены в казармы, а вернувшиеся студенты сказали несколько речей публике и разошлись. Демонстрацию можно считать удавшейся как по количеству участвовавших рабочих и публики, так и по тому воспитательному значению, которое она имела. Была разбросана масса прокламаций. — Совет присяжных поверенных подал в суд заявление по поводу избивания 18 февраля их товарища Вознесенского, доктора Штейхера, студентов и публики. В Технологическом объявлена 20 февраля забастовка, и директор закрыл институт».

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

по делу о Соничеве, Исаеве, Апальникове, Никитасенко, Белоусенко, Дмитриеве, Баскакове, Чубареве, Баскакове, Коростылеве, Виноградове, Бондареве, Чичкине, Лютове, Левченко.

В начале ноября 1902 г. в г. Ростове-на-Дону среди рабочих мастерских Владикавказской ж. д. возникла забастовка и беспорядки вследствие предъявленных к администрации названной жел. дор. требований о повышении заработной платы, уменьшении штрафов и вычетов и вообще на почве отношений экономического характера. Беспорядки эти вскоре отразились и на раб. жел.-дор. мастерских ст. «Тихорецкая», которые 15 ноября, в 8 час. утра, самовольно прервали работы, покинули мастерские и выразили намерение угрозами и даже открытой силой заставить прекратить работы также в депо, электрической станции и вообще вызвать общую забастовку. В виду сего, в Тихорецк были вызваны из ближайших станиц

две сотни казаков льготного состава, не имеющих огнестрельного оружия, и отправлена из г. Екатеринодара одна сотня 1-го Екатеринодарского казачьего конного полка. 16 ноября приехал в Тихорецкую начальник Кубанской области, который собрал рабочих на сходку, вышел к ним и спросил их о причинах забастовки. На это рабочие заявили, что они недовольны железнодорожным начальством, так как им много вычитают и т. п., причем все время слышались общие заявления толпы: «Хотим того же, что и ростовские; как Ростов, так и мы». Вместе с тем, рабочие категорически заявили начальнику области, что до удовлетворения Владикавказской ж. д. предъявленных ими требований никто на работы не станет. В ответ на это начальник области объявил толпе, что заявленные рабочими претензии будут переданы на рассмотрение жел.-дор. администрации, причем от себя лично он обещает даже содействие к их удовлетворению, но под условием, чтобы не было произведено беспорядков и все желающие продолжать службу на дороге стали бы на работы. При этом начальник области добавил, что отныне он безусловно воспрещает дальнейшие сходки и что те из рабочих, кто ослушается такого его приказа, будут немедленно высланы из области, на что из толпы раздался голос: «Не верьте, братцы, это он только пугает». После этого начальник области уехал из Тихорецка, оставив там атамана Кавказского отдела генерал-майора Гетманова. В тот же день были везде расклеены объявления о том, что 18-го утром (17 ноября было воскресенье) последует в мастерских гуток, по которому те из рабочих, кто желает продолжать службу, обязан стать на работу, а остальные получат расчет. Тем не менее, 17-го утром атаману отдела доложили, что большая толпа рабочих собралась на сходку в версте от вокзала, на улице, отделяющей хутор Тихорецк от жел.-дор. поселка, близ угловой рабочей казармы № 91. Около 11 час. дня он отправился туда в сопровождении атамана Кавказского отд. Ракузы и нач. местного отд. Владикавказского жандармского полиц. упр. ж. д. Мартоса. За ними следовали две сотни конного полка, во главе с командиром названного полка, полковником Хельмицким. Подъехав к толпе в 700—800 чел., среди которых, кроме жел.-дор. рабоч. и членов их семейств, находились и другие жители Тихорецка, вообще тесно связанные с служащими на дороге своим кумовством и проч., атаман отдела обратился к толпе с увещанием разойтись, так как сходка запрещена, а когда в ответ на это услышал дерзкие крики ослушания, объявил рабочим, что разгонит их военной силой, после чего предложил командиру полка Хельмицкому расстроить сборище. Последний, поставив часть льготных казаков вдоль улицы, отделяющей собственно жел.-дор. поселок от хутора Тихорецка, дабы воспрепятствовать собравшемуся в этой части хутора из любопытства народу присоединиться к сходке, двинулся к ней с конной сотней своего Екатеринодарского полка. Выхав сначала один вперед, полковник Хельмицкий попытался еще раз уговорить рабочих разойтись во избежание боевых действий. Но толпа, стоявшая кольцом перед забором палисадника означенной казармы № 91, будучи, повидимому, почему-то уверена в том, что начальство ограничится одними угрозами, упорствовала и даже начала бранить казаков; причем откуда-то со двора казармы в последних полетели куски мерзлого снега; тогда полковник Хельмицкий отъехал к своим людям и скомандовал: «шашки вон», повел сотню прямо на толпу, приказав, однако, «не рубить во-всю, а наносить удары плашня» или только «по ушам». Между тем, толпа тесно придвинулась к забору палисадника казармы, стараясь выставлять вперед женщин и детей, причем, когда казаки начали наступать, передние ряды садились или даже ложились на землю, дабы препятствовать действию конницы. Завязалась небольшая свалка, при которой рабочие и женщины хватали под уздцы лошадей офицеров и казаков и бросали в них камни; в то же время из толпы закричали командиру полка: «Отведите казаков, мы разойдемся». Последний приказал отступить и завернул сотню. Но как только казаки несколько отошли, вся масса рабочих с криками: «ура! прогнали войско» бросилась на казаков, осыпая их градом кирпичей, поленьев и всевозможных предметов, в числе которых были даже ухваты, ведра, доски, коромысла и т. п., причем дети раскалывали кирпичи, а женщины подносили их в подолах платья буйство-

вавшим рабочим для бросания. Тогда полковник Хельмицкий опять вернул сотню на толпу и, спешив первый взвод, скомандовал взять винтовки и приказал хватать главных буннов. Тем временем толпа, под напором казаков, почти вся успела перебраться через забор и калитку казармы № 91 и соседних с нею, и командующий первым взводом хорунжий Ткачев бросился туда, чтобы задержать одного из вожakov толпы, указанного ему полковником. В ту же минуту за Ткачевым захопнули калитку и на него набросилось несколько человек рабочих, причем кто-то оглушил его ударом палки по голове, а другой топором или каким-то другим остережущим орудием отсек ему кисть правой руки. Тогда командир полка приказал открыть огонь; но не залпом, а «по назначению», отдельными выстрелами, которых и было выпущено всего 46, притом частью вверх. Вначале в толпе раздалось было крики «пугают», «не бойся, холостыми», но когда увидели раненых, все моментально разбежалось и попряталось в казармах, где и было тут же задержано несколько десятков человек. Кроме офицера Ткачева, получившего тяжелое увечье, при описанном столкновении получили легкие раны и повреждения 21 казак. Все изложенное установлено при следствии осмотром места происшествия, а также показаниями свидетелей: Тарашкевича, Ракузы, Мартоса, Хельмицкого, Щербина, Алексея, Захарьина, Ткачева, Мова, Ямпольского, Шумжина, Хоруженко, Сенянкина, Куликова, Меженного, Дыбова, Ляпина, Лиховицкого, Ролика, Каменника, Хорошкова, Хализова, Золотарева, Коваленко, Буцкого, Самойлова, Палия, Маторного и Величенко, а также протоколами предъявления и суд.-медицинского освидетельствования.

Предъявлением при следствии нижепоименованных задержанных рабочих свидетелям-очевидцам выяснилось нижеслед.:
1) Относительно Соничева свидетели есаул Щербина и казаки Золотарев и Сенянкин удостоверили, что он бросал в войска камнями, а свид. казак Лиховицкий, что Сон. хватал за повод лошадей хорунжего Захарьина и хотел ударить последнего. 2) Относительно Исаева свидетели-офицеры Щербина и Захарьин удостоверили, что он бросал в войска камнями, а свид. казак Велико удостоверил, что он бросал камни в войска, когда вели арестованных. 3) Относительно Апалякова свид. Щербина, Захарьин и Золотарев удостоверили, что он бросал в войска камнями, а свид. Сенянкин, что ругал Ткачева. 4) Относительно Никитасенко свид. Щербина, Коваленко и Ролик удостоверили, что он швырял камнями в войска, а свид. Хорошков, Коваленко и Хоруженко — что он бросал в последнего из них и ударил его лошадь камнем. 5) Относительно Белоусенко свид. Захарьин и Хорошков удостоверили, что он бросал в войска камнями: Золотарев и Хализов, — что видели в его руках топор, и Щербина, — что видел его в толпе. 6) Относительно Дмитриева оф. Щербина и казак Сенянкин удостоверили, что он бил камнями лежащего Ткачева, свид. Лиховицкий, Самойлов и Маторный, — что, когда Ткачев вбежал во двор казармы, Дмитриев бросился к нему с топором в руке, а свид. Золотарев, — что Д. ударил топором Ткачева. 7) Относительно Баскакова свид. казаки Палий и Самойлов удостоверили, что он бросал в войска камни, казак Буцкий, — что видел его в толпе с камнями в руках, а свид. оф. Щербина и Захарьин, — что видели его в толпе. 8) Относительно Чубарова свид. Щербина и Захарьин удостоверили, что он находился в буйствовавшей толпе, свид. Лиховецкий, — что он бросил в него, свидетеля, десятифунтовую гиру. 9) Относительно Баскакова свидетели удостоверили, что он бил камнями сбитого с ног хорунжего Ткачева, свид. Щербина и Захарьин, — что видели его среди буйствовавшей толпы. 10) и 11) Относительно Коростылева и Виноградова удостоверили свид. Ракуза и Колесник, как они бросали в войска камни. 12), 13) и 14) Относительно Чичкина, Лютова, Бондарева свидетели удостоверили, что их видели в буйствовавшей толпе и как они бросали камни в войска. 15) Относительно Левченки Сенянкин удостоверил, что он бросил в него, свидетеля, револьвер, каковое показание подтверждает свидетель Хализов, а Золотарев и Колесник показали, что видели обвин. Левченко в буйствовавшей толпе.

Будучи привлечены по 2 ч. 269 ст. Улож. о нак., все вышеупомянутые обвиняемые виновными себя не признали и объяснили:

1) Соничев — служил в Тихорецких жел.-дор. мастерских токарем, участия в сборище 17 ноября не принимал, случайно столкнулся (с войсками) во дворе казармы, где был и ранен; в войска камней не бросал. 3)¹⁰ Апальков (прессовщик труб) пришел с женой посмотреть на сборище, в котором сам не участвовал, а когда стали наступать казаки, спрятался в казармы, где и был задержан. 4) Никитасенко — на жел. дор. не служил; пришел посмотреть на сборище из любопытства, стоял на другой улице и в сборище и в сопротивлении войскам участия не принимал. 5) Белоусенко (смазчик) — на сходке 17 ноября не был вовсе, а находился в казарме № 113, где и был арестован казаками. 6) Дмитриев — на жел. дор. не служил. Попав случайно в толпу, очутился в палисаднике казармы, но топора в руках не имел и в насильственных действиях против войск не участвовал, а хотел только поднять убитого около него рабочего и был задержан. 7) Баскаков (слесарный ученик) — на сходке был, находился на дворе казармы № 91, но в казаков ничем не бросал, а хотел только поднять раненого товарища и был задержан. 8) Чубарев (слесарь) — на сходке не был, в сборище не участвовал, а был задержан казаками около церкви. 9) Баскаков (слесарь) — попал в палисадник казармы случайно. Один офицер хотел арестовать его, но какие-то бабы оттащили его, и он скрылся в казарме № 91, где и был задержан. 10) Коростылев — служил раньше слесарным учеником, но был рассчитан; проживал у отца в казарме № 91. Войскам не сопротивлялся, а лишь вышел на двор посмотреть на сходку. 11) Виноградов — был котельным учеником; рассчитался, стал извозчиком; под'ехал издали посмотреть на столкновение, был ранен пулею в руку и сам отправился в больницу для перевязки. 12) Бондарев — войскам не сопротивлялся, хотел убежать, но был ранен шашкой. 13) Чичкин (котельщик) — 17 ноября весь день просидел дома, в казарме № 123. 14) Лютов (слесарь) — камней не бросал, а, напротив, сам был ранен в руку. 15) Левченко (слесарь) — 17 ноября пошел в гости к знакомым, старался обойти место сборища, но в это время его ранили в руку и ногу, и он был отправлен в лазарет. Револьвера не имел. В насильственных действиях не участвовал.

На основании вышеизложенного, вышеупомянутые лица обвиняются в том, что 17 ноября 1902 г. в хуторе «Тихорецком» Кавказского отд., Кубанской области, принимая участие в публичном скопище, образовавшемся вследствие побуждений экономического свойства, они, в составе толпы в несколько сот человек, соединенными силами оказали насильственное противодействие вооруженной силе, призванной для рассеяния этой толпы, во время какого-либо противодействия участники означенного скопища бросали в офицеров и нижних чинов 1-го Екатеринодарского казачьего полка и казаков льготного состава камни, кирпичи, поленья и т. п., хватали казачьих лошадей за поводья и били казаков палками и другими предметами, причем хорунжий Ткачев получил тяжкое увечье, а 21 казак — легкие раны и телесные повреждения, — т. е. в преступлении, предусмотренном 269 ст. Улож. о наказ. Вследствие сего и на основании 200 и 300 и 1256 ст.ст. Уст. угол. суд. они подлежат суду Екатеринодарского окружного суда.

Суд назначен на 5 марта; из Спб., Москвы и Харькова судт адвокаты. Отметим, что обвинительный акт стыдливо умалчивает о количестве убитых рабочих.

Из Тихорецкой сообщают: Следователь по особому важному делу Бурцев, о котором упоминается в последнем правительственном сообщении, действительно принялся за расследование дела Золотовой и настолько выяснил его, что взял под стражу помощника станичного атамана и восемь казаков, к которым Золотова перешла в пользование от след. Пуссеп.

А сам Пуссеп, следовательно, все еще на свободе?

Новый удачный побег. (Письмо одесского рабоче-го.) В субботу, 8 февраля настоящего года, были

изданы в Одессе листки «Ко всем пекарям г. Одессы». Я взял около 100 экз. для того, чтобы разнести по своим связям. Дело было в 12 час. дня. Я отправился в одно место, где оставил штук 15, а потом отправился в комиссию. (Была избрана комиссия по устройству за городом массового собрания в 1.000 чел. на 19 февраля, в каковую комиссию и я был избран.) Придя в тот дом, где должна была заседать комиссия, я встретился с одним товарищем на лестнице, который мне сказал, что еще никого нет, а потому-то я предпочел пойти к переплетчикам, с которыми я имел дело, для того, чтобы оставить там листки. Отправляясь туда, я не предполагал даже, что там возможен обыск посреди белого дня. Ничего подозрительного не замечая, ни на улице, ни на дворе, я направился прямо в квартиру, в которой и был сейчас арестован, так как там происходил обыск. При моем появлении надзиратель обратился ко мне со следующими словами: «Еще много людей должны сюда притти на сходку» (там была назначена агитационная сходка), на что я ему, конечно, ответил: «Не знаю, пока только я пришел». — После того надзиратель стал обыскивать и, конечно, забрал у меня листки, записную книжку, брошюру «Что делать?» и, кажется, несколько номеров «Искры». Вскоре туда явился еще один надзиратель, которому первый надзиратель показал, что было у меня найдено, затем они стали между собою перешептываться, после чего один из них вскоре удалился. Спустя некоторое время ушедший надзиратель вернулся и после некоторого перешептывания с другими надзирателями обратился ко мне со следующими словами: «Вас сейчас в тюрьму отправим». Я сейчас же поднялся и отправился с надзирателем. Выйдя на улицу, мы сели на дрожки и поехали. Когда я заметил, что мы едем не в тюрьму, а направляемся совсем в другую сторону, то сейчас заметил своему вожатому, что, кажется, тюрьма не лежит в той стороне, куда мы направляемся, на что он мне ответил, что «мы едем не в тюрьму, а в жандармское управление». Приехав в жандармское управление, мы не застали там ни одного ротмистра. Просидев около часу, мой вожатый обратился к вестовому жандарму и сказал: «Вот мне некогда здесь ждать, поручаю вам этого человека и эту пачку, и когда явится ротмистр, то передайте ему вот это письмо, пачку и человека», — прибавив, что это арестованный. По уходе его я остался с вестовым. Сколько мы там просидели, — не помню, потому что я в ожидании успел выспаться; когда же я проснулся, было уже темно на дворе. Вскорости явился какой-то ротмистр и крикнул: «Вестовой», мой сторож поднялся и отправился на зов, оставив меня одного. Оглянувшись и увидав, что возле меня нет никого, я открыл дверь, спустился по лестнице и выбежал на улицу, где вскочил в случайно проезжавший вагон конно-железной дороги. От'ехав квартал, я соскочил и отправился по задним улицам пешком в город, где я уж встретился с двумя товарищами, шедшими из комиссии, которым я передал все происшедшее со мной и которые поспешили меня спрятать на первое время.

Москва. (Сообщение из частного письма из московских Бутырок.) «Нервы, надо сознаться, немного расшатаны, но это немудрено, так как за последнее время пришлось многое вынести и много пережить. Протесты наши не ограничились голодовкой, а пошли дальше; на этот раз дело заключалось в следующем. У нас было 13 человек, приговоренных за нижегородскую и сорную демонстрацию к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на вечное поселение. И вот, после того как их продержали в нашей тюрьме слишком два месяца, их начали отправлять в Сибирь в одиночку, а не одной специальной партией, как они надеялись. После того как трое из них были уже отправлены, остальные послали депутатов к начальнику и заявили ему, в присутствии тюремного инспектора, что они добровольно вразброд не пойдут, и в таком случае их можно будет взять только силой. За резкий разговор с начальником депутаты были посажены в карцер. У нас, понятно, все заволновалось, потребовали для объяснения начальника; пришел весь синклит в полном составе. После недолгих разговоров к нам пожаловал вооруженный солдатский конвой, но его живо

убрали, и к вечеру товарищи были освобождены. Дня через три снова предназначалась отправка, начальство опять заявило, что пойдут только четверо из нижегородцев. В виду того, что уже было сделано заявление тюремной администрации, что они добровольно не пойдут в одиночку, то началось обсуждение, в какую форму должен вылиться в данном случае протест. Решено было забаррикадировать дверь и потребовать, чтобы в партию были взяты все; койками и столами двери были так ловко забаррикадированы, что в камеру можно было проникнуть не иначе, как предварительно проломав дверь. Администрация раньше пробовала было увещевать, уговаривать, но ничто не помогло; снова был вызван вооруженный конвой, и дверь была выломана. Предназначенные к отъезду взяты в партию, а двое других товарищей опять отправлены в карцер, где они просидели три дня, после чего их изолировали от нас. Зато администрация проявила всю свою гнусную месть на уехавших: в припадке бешеной злобы их переодели в арестантское платье, обыскали как последних воришек и, по выражению начальства, их не заковали и не обрили голов только потому, что время не позволяло»...

Москва. Во время с'езда представителей общества вспомоществования учащим — местным Комитетом партии было распространено воззвание к делегатам. В воззвании подробно излагается юридическое и фактическое положение народных учителей, характеризуются те стеснительные условия, при которых происходил с'езд, освещается антагонизм между самодержавием и культурным развитием страны и выясняется историческое значение происходящего в России политического движения. Указав на то, что «базисом этой борьбы могут быть только рабочие массы, объединенные в одну общую Росс. С. Д.-Р. П.», Комитет призывает учителей занять место в рядах армии борцов за политическое освобождение русского народа.

Полтава (конец февраля). Крестьяне, сидящие в местной тюрьме (осужденные за волнения прошлого года), до последнего времени пользовались теми же «привилегиями», что и политические и, между прочим, получали, подобно им, личные свидания. Но на-днях нашим местным самодурам заблагорассудилось запретить крестьянам личные свидания и давать им свидания через решетку (двойную), как уголовным. Крестьяне решили протестовать голодовкой. Через несколько дней примкнули политические, выставляя то же требование, т. е. чтобы крестьяне снова стали получать личные свидания. В настоящее время дело осложняется тем, что в тюрьме появился сыпной тиф и потому начальство запретило всякие свидания. Таким образом, теперь прерваны всякие сношения с тюрьмой, и не известен результат голодовки.

Тверь. Недавно в полицейском уездном управлении уволили за «неблагонадежность» чиновника... Вина его состояла в том, что он списал себе на память революционное стихотворение, изданное Комитетом в числе прочих мелочей. Листок был конфискован где-то в уезде и препровождался при секретной бумаге и — как на зло — попал бедняку в руки!..

Среди фабричных конторщиков ходит курьезный слух, что тому, кто укажет членов Комитета, будет дано 2.000 р. награды (!).

Красноярск. Недели три тому назад одна крестьянская девушка дала в губернском управлении на приеме плюху губернатору. Ее немедленно, конечно, арестовали. Девушка эта — член одной инородческой семьи, принявшей православие, живет в деревне Установой, в 25 в. от Красноярска. Ее отец нарубил дров в казенном лесу, за что его приговорили к месячному тюремному заключению. Дочь апеллировала и кассировала, но из всего этого ничего не вышло. Тогда она решила отомстить и подала прошение губернатору, в котором выясняет всю несправедливость «псов» (т. е. судей) и рисует то ужасное положение, в которое поставлены крестьяне «казной». У них все отняли, даже дров негде нарубить. Такая не-

справедливость вынудила ее отомстить, и она дает пощечину губернатору не как непосредственному виновнику, а как представителю администрации.

Чита. Здесь произошли гимназические волнения. Как сообщают, читинский помпадур Надаров устроил бал для учащихся, но не пригласил евреев. Гимназисты возмутились и гимназия разделилась на две партии: «губернаторцев» и «антигубернаторцев»; первых преследовали ученики, вторых — начальство (гимназическое). Группа учеников в 30 чел. подала начальству заявление о прекращении преследований, под угрозой оставить гимназию. Некоторые из группы протестантов исключены, благодаря чему волнения усилились.

В результате — директор гимназии Еленев и инспектор Сарычев получили от двух гимназистов по пощечине, были названы подлецами и разжигателями национальных чувств.

Эти два гимназиста арестованы, и против них возбуждено преследование в уголовном порядке.

Директор Еленев назначил примирительную лекцию для гимназистов. Многие не явились вовсе, а явившиеся осистали лектора. В результате из 6-го, 7-го и 8-го кл. исключено человек 20.

Женская гимназия поддержала гимназистов. Там, как только стал известен инцидент с директором и инспектором, сочувствие гимназисток выразилось тем, что 6-й, 7-й и 8-й классы демонстративно удалились из гимназии. Из гимназисток никто не пострадал, несмотря на то, что директор Еленев предложил удалить зачинщицу, но он не встретил сочувствия среди преподавателей гимназии (женской).

Якутск, 5 февраля. В Якутске был на-днях обыск у бывшего студента Игоря Будиловича и 4 реалистов. Обыск был вызван следующими обстоятельствами: хозяин квартиры реалиста VI класса Родионова рылся для чего-то в его книгах и нашел доклад Бунда социалистическому конгрессу. Хозяин представил доклад какому-то чиновнику областного правления, а последний вице-губернатору Миллеру. Последний сейчас же телеграфировал деп. пол.; произведены были обыски у названных лиц, причем найдены программа «Искры» и несколько рукописей революционного содержания. Обысканные лица отданы под особый надзор полиции. Родионов исключен из реального училища и взят под стражу. «Дело» ведет полицмейстер Зуев под наблюдением тов. прокурора Сафоровича. Родионов показал, что найденную у него нелегальщину ему дал летом какой-то студент в Олекминске, фамилии которого он называть не желает. В виду этого заявления, прокурор Шульц «секретно» приехал в Олекминск, вел какие-то конфиденциальные переговоры с олекминским исправником, вызывал из Солянки (в 24 в. от Олекминска) отца Родионова, крестьянина Н. Захаренко, и, конечно, ничего не узнал...

Миллер торжествует: наконец-то обнаружена «крамола» и в Якутской области!.. Торжествуют и крестьяне: «не все же нам „нуч“ (русских) возить, — говорят они, — наконец-то, хоть один и у нас нашелся!..»

Из Якутской области просят сообщить, что помещенная в одном из №№ «Искры» (кажется, 25) корреспонденция из Якутска о деле Лузина — произвела на всех, знавших дело, крайне неприятное впечатление, которое можно изгладить нижеследующей поправкой: в корреспонденции Лузин возведен чуть ли не в герои, между тем как всем своим предыдущим поведением в ссылке, равно как и последним покушением, которому он старался придать «политический» и даже «анархический» характер, лишь компрометировал в глазах бывателей и администрации почетное звание «государственного ссыльного». К поступку Ергина, убившего заседателя, все отнеслись сочувственно, все оценили его идейный характер, между тем как беспричинно и бессмысленное покушение Лузина вызвало всеобщее недоумение и даже негодование.

К ДВИЖЕНИЮ СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

«Южнорусской группой учащихся средних школ» издано воззвание «К вопросу о программе». Как следует из воззвания, направление группы, с которым мы уже ознакомили читателя и к которому примкнул другой — именно Харьковский — союз учащихся, встретило отрицательное отношение со стороны третьей однородной организации — «Киевского центрального отделения объединенных организаций и кружков» и т. д. Полемика между «южной группой» и киевлянами достаточно поучительна, и мы приводим почти целиком упомянутое воззвание:

«Центр. отд. не согласно с основною тенденциею нашей программы. По его мнению, „главною и ближайшею задачею каждого кружка учащихся должно быть саморазвитие“, лишенное какого бы то ни было политического оттенка, потому что навязывать неподготовленному человеку политические идеи, особенно идеи какой-нибудь действующей партии, — значит догматически направлять его развитие в известную сторону, суживать его умственный кругозор, чего, по мнению Центр. отд., не имеет права делать никакая руководящая группа, как бы ни была сознана ею необходимость трактуемых идей и как бы ни была она подготовлена. Яркая политическая окраска может помешать желательному широкому распространению группы учащихся средних учебных заведений. Желательно, конечно, чтобы наряду с освещением всевозможных вопросов давалось правильное освещение современных революционных течений, но освещение таковое отнюдь не должно быть преднамеренно-тенденциозным. Нам могут ответить на это, что теперь само собой выходит так, что благодаря положению вещей всякая группа носит ярко-радикальный характер. Мы на это ответим, что то, что является само собой следствием чисто общих причин, то является даже желательным; нежелательной же мы признаем придачу преднамеренно-тенденциозного направления саморазвитию в таких кружках их организаторами». — Рассылая различные издания, — говорится в воззвании «К кружкам и организациям средних учебных заведений», — «Центр. отд. не придерживается какой-нибудь определенной политической точки зрения и руководствуется исключительно общественным интересом рассылаемых изданий».

«Разберем все приведенные доводы наших критиков. Все воззвания организаций учащихся средних школ указывают на стихийные стремления к самообразованию, охватившие лучшую часть русской молодежи. Чем вызвана стихийность этих стремлений? Она вызвана, утверждаем мы, все растущим и обостряющимся русским революционным движением, разлившимся в последние годы широкой волною по всей России, заставившим русскую учащуюся молодежь признать необходимость притти к помощи ко всем страждущим и угнетенным в их борьбе с экономическим и политическим гнетом и эксплуатацией. Увидев всю свою неподготовленность к активной борьбе за свободу, русская молодежь энергично и настойчиво занялась самообразованием, стремясь выработать из себя не просто честных и нравственных людей, а стойких и выдержанных общественных деятелей. — „Русскому рабочему народу, — говорил в 70-х годах ткач Петр Алексеев, — остается только надеяться на самого себя и ни от кого не ожидать помощи, кроме одной нашей интеллигентной молодежи. Она одна протянула нам свою руку, она одна откликнулась на все крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и отчего это повсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула нам свою руку и от искреннего чувства желает вытянуть нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все пути для вывода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа, и она неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока не подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и огражденное солдатскими штыками ярмо царского деспотизма разве-

тится в прах!» И вот, когда после долгой, мрачной реакции учащаяся молодежь снова начинает готовиться к вступлению в ряды борцов за политическую свободу, за социализм, — когда, подобно кружкам учащихся конца 70-х и начала 80-х годов, начинают стихийно плодиться и множиться кружки самообразования, когда учащаяся молодежь сама уже идет на помощь к рабочим и рабочие горячо приветствуют эту молодежь, — Киевское Центральное отделение клеймит „навязывание этой молодежи политических идей, догматическое направление ее развития в известную сторону“. Но в чем же состоит, — спросим мы, — роль сознательной части учащихся, выразителем мнений и стремлений которой явился наш съезд, как не в том, чтобы, ставши во главе стихийного стремления молодежи, сделать это стремление более сознательным, направить его в известную сторону. И не есть ли отказ Центр. отд. от политической программы, от систематической пропаганды в кружках „служения народу“, — не есть ли он результат стремления насильно „суживать умственный кругозор“ бессознательно жаждущей этого служения молодежи, стремления тащиться в хвосте движения, а не руководить им?

«Яркая политическая окраска может помешать желательному широкому распространению группы учащихся средних учебных заведений», и потому Центр. отд. „отказывается от какой-нибудь определенной политической точки зрения“ и ограничивается скромным пожеланием, „чтобы в кружках давалось правильное освещение современных революционных течений“, которое, однако, ни в коем случае не должно быть „преднамеренно-тенденциозным“. Это значит, что Центр. отд. желает сделать свою программу достаточно широкой, чтобы никого не испугать, но охватить все наличные и „прогрессивные течения“ среди молодежи. И потому: „долгой принципы!“, но „да здравствует зато широчайшее движение всего и всех!“ Мы отказываемся от подобного оппортунизма! Пусть „яркая политическая окраска помешает широкому распространению“ нашей группы (чему мы, впрочем, не верим). Но тогда от нашего движения останут „все слабые и малодушные, все те, кто перед лицом грозы отрицает идущую грозу“. И тогда нам не придется тратить свои молодые силы на создание „ликующих, праздно болтающих, обагривающих руки в крови“ — будущих российских „либералов“, а окончательно выйдем на дорогу тернистую и уйдем сами и поведем своих товарищей в стан борцов*.

«Укажем еще на странное и поразительное в программном заявлении противоречие: Центр. отд. признает, с одной стороны, желательным все, „что является само собой следствием „чисто-общих причин“. признает также, что „теперь всякая группа, благодаря положению вещей (сама собой), носит ярко „радикальный“ характер“, но все же считает вредною „яркую окраску“ нашей программы, считает нашу пропаганду „служения народу“ чем-то непозволительно узким, догматическим. Но если бы Киевское центр. отд. согласилось „навязывать“ молодежи политические идеи, то оно сочло бы все-таки непростительно-узким „навязывание“ ей идей „какой-нибудь действующей партии“ и признало бы достоянием выработать в молодежи только боевое „настроение“. Более подробно развивают ту же мысль Киевский Союзный Совет студенческих организаций и Организационный Комитет Киевского Политехникума в воззвании, вышедшем незадолго до программного заявления Киевского Центр. отд. (студенческие организации говорят в нем только о студенчестве, но, по всей вероятности, они держатся того же мнения и о всей русской учащейся молодежи). „Студенчество, как таковое, — говорят они, — не может примыкать всецело ни к партии социал-демократической, ни к партии социалистов-революционеров, студенчество, как таковое, представляет из себя источник, из которого вербуют себе членов как обе указанные партии, так и все другие революционные организации и группы. В силу этого, студенчество не может отдавать предпочтения той или иной революционной фракции» (вернее: партии. Центр. Ком.).

* Организуя кружки среди еще совершенно несознательной части молодежи, наша группа не зовет ее, конечно, в свою организацию, но старается развивать в них жажду борьбы за освобождение пролетариата.

«Мы не можем согласиться со взглядами названных организаций. Мы считаем, что „вступление в революционные ряды налагает серьезные теоретические обязательства“. Мы признаем, что организации наши должны давать возможно более полное и законченное политическое воспитание учащейся молодежи, снабдить ее „оружием революционного мировоззрения, революционной программы, тем главным оружием, без которого она будет бессильна служить своему знамени“ («Искра» № 31). А „руководящие группы должны раз навсегда покончить с шатанием в области программы, чтобы быть достойными стать во главе движения учащейся молодежи.

«Но почему, — может спросить нас Центр. отд., — Южно-русская группа призывает учащуюся молодежь для „служения народу“ под знаменем российской социал-демократии, а не в ряды мирных культурных деятелей или какой-нибудь другой революционной партии или организации (социалистов-революционеров или либералов)? Потому, — ответим мы, — что, относясь с уважением к культурной деятельности, мы признаем, что в настоящее время все легальные культурные начинания русской интеллигенции, „напрасно старающейся чайною ложечкою вычерпать глубокое, безбрежное море народных страданий“, неминуемо разбиваются о солдатские штыки самодержавия, существование которого несовместимо с развитием народа. Поэтому, что мы ясно видим всю дряблость и бессилие русского либерализма, видим его недостойные заигрывания с правительством; потому, что мы твердо убеждены в том, что „русская революция восторжествует только как рабочая революция или вовсе не восторжествует“, что только рабочие „могут разрушить смрадное здание проклятого самодержавия, только они могут вернуть свободу голодной, задущенной Руси“. Потому, наконец, что мы убеждены в том, что программа российской социал-демократии наиболее полно выражает интересы русского рабочего класса, что знакомство с царством социалистической мысли убеждает всех наших товарищей, что „вне марксизма, как боевой теории пролетариата (который придерживается росс. соц.-демократия), возможны революционные фразы, в лучшем случае революционное настроение, но невозможно научное революционное мышление («Искра»), как мы это и видим у социалистов-революционеров“. „А только внимательное, научное изучение общественных явлений может создать прочную основу для страстной деятельности самоотверженного политического борца, только оно способно предохранить его от разочарований, только оно может выработать таких революционеров, которые не падут духом от (временных, частных) неудач (вроде неудачи демонстрации. Ц. К.) и не смутятся временными успехами врагов (вроде пока еще безнаказанного сечения демонстрантов. Ц. К.). Короче, только оно одно создает несокрушимых и непобедимых деятелей, революционеров и по логике и по чувству“ (Плеханов, «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России», 1892 г., стр. 4). И мы никогда не перестанем утверждать, что целью каждой организации учащейся молодежи должна быть подготовка возможно большего количества борцов за освобождение пролетариата! — Январь 1903 г.

Центр. Комитет Южно-русской группы учащихся средних школ»¹¹.

Надо признаться, что иным революционерам не мешало бы кое-чему поучиться у этой молодежи.

Из тайн департамента полиции. Распоряжения департамента полиции о розысках нелегальных, об установлении надзора за неподозреваемыми того обывателями и т. п. становятся столь многочисленными, что у нас нет возможности предупредить заинтересованных в том лиц частным путем. Поэтому из доставленных нам некоторых секретных циркуляров за прошлый год мы заимствуем для печати некоторые сведения. В циркуляре от 26 апреля 1902 г., за № 3083, извещается о том, что по полученным из агентурного источника сведениям нижегородский мещанин Николай Сергеевич Лукомский и отставной подпоручик Коротоякск. резервн. батальона Семен Петров Мазуренко, находившиеся в послед-

нее время за границей, в первой половине марта сего года тайно проникли в Россию, причем Мазуренко прибыл по болгарскому паспорту на имя Владимира Стоянова. Передаются биографические сведения об этих лицах и предписывается «в случае обнаружения, учредить за деятельностью их и сношениями самое тщательное, но совершенно секретное наблюдение и немедленно телеграфировать деп. пол.; в случае же, [если] Л. и М. дадут повод опасаться потерять их из виду, то надлежит подвергнуть внимательному обыску, арестовать и телеграфировать деп. для получения дальнейших распоряжений».

В циркуляре от 1 марта 1902 г., за № 1514, такого же рода распоряжение отдается о «выяснении местожительства Этки Вульфовой Абрамович». В том же циркуляре сообщается, что «разыскиваемый циркуляром 12 октября 1901 г., за № 3392, список 1, Голландский, по дополнительным сведениям, есть Шмуйль Ицик Мордухов Голландский». К тому же циркуляру приложен список лиц, которых следует — по обнаружении их местожительства — подвергнуть негласному надзору полиции: 1) Екатерина Андреевна Андреева, она же Морозова; 2) Анаст. Семен. Ильяшева; 3) А. А. Куоронин; 4) Над. Тим. Крапоткина, урожд. Повало-Швейковская; 5) ее муж М. А. Крапоткин; 6) Осип Антонов Маркунас; 7) Даниил Архипов Мудринин; 8) Еф. Захаров Новаковский; 9) Мих. Сергеев Ракитин; 10) Шиммель Нохимов Рудый; 11) Анна Осип. Туральская; 12) Болес. Алекс. Хорон; 13) Фед. Тим. Шевченко; 14) Иосель Гириш. Шнейдер. Прекратить розыски франц. гражданина Генриха Юлианова Пуарзон («в дальнейшем розыске надобности не предвидится»). В приложении к циркуляру от 1 апр. 1902 г., за № 2447, сообщается, что разыскиваемый по циркуляру от 1 марта 1902 г., за № 1514, мещанин Хаим-Герш Мовшев Вайсман «может проживать по подложному паспорту на имя мещанина местечка Окно, Балтск. у., Подольск. губ., Александра Парфентьева Волоха, от 9 ноября 1901 г., за № 182; в виду сего, надлежит лицу, проживающее по упомянутому паспорту, подвергнуть обыску, арестовать и телеграфировать деп. для получения дальнейших указаний». В том же циркуляре предписывается прекратить розыск М. Ц. Кафилельса и Ал. Ал. Кина, которые, прибыв из-за границы и поселившись: первый — в Вильне, а второй — в Либаве, подчинены там негласному надзору.

В циркуляре от 1 окт. 1902 г., за № 6200, деп. разыскивает: 1) бывш. студента Спб. ун. пот. поч. гражд. П. Ник. Васильева; 2) рабочего-слесаря Никодима Никодимовича Вельтищева; 3) служившего в промыслах Европ. Нефть. Компании (бывш. «Вишау») в Сабунчах Трифона (Семена) Тагизова Енукидзе. По обнаружении установить секретный надзор за деятельностью и сношениями.

В том же циркуляре сообщается, что «у одного из лиц, привлеченных по делу „Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза в Литве, Польше и России“, был обнаружен, между прочим, следующий адрес: Ново-Романовская, Широкий пер., дом Крымки, № 8, кв. Брайнона, для Соломона; в виду сего Д. П. просит принять меры к установлению, к какому именно городу может относиться указанный адрес и о последующем уведомить».

В том же циркуляре предписывается — по обнаружении местожительства — установить негласный надзор за: 1) Надеждой Митрофановной Барамовой, урожд. Стопани; 2) Иосифом Ивановым Барамовым; 3) Ив. Ив. Бурогоновым, по некоторым сведениям работает в Москве в разных местах и 4) Францем Августовым Шморель, бывш. студ. Моск. ун.

Циркуляром от 1 ноября 1902 г., за № 6900, разыскивается Петр Лукьянов Бедник, для привлечения к ответственности при Екат. губ. жанд. упр. по ст. 251 Ул. о нак.

Из сопоставления номеров циркуляров видно, что с 1 марта по 26 апреля 1902 г., т. е. менее чем за два месяца, департамент «по особому отделу» разослал 1.500 с лишним секретных циркуляров; с 1 марта по 1 ноября — за 8 мес. — издано их 5.400. Выходит, след., 700 циркуляров в месяц или свыше 20 в день! Неудивительно, что прошлой осенью царь «признал за благо, в виду значительного за последнее время увеличения занятий (милое «занятие»!) департамента полиции, усилить действующий штат сего департамента» 30 чиновниками, стоимостью в 59.500 руб. ежегодно.

Спрашивается только, в человеческих ли силах произвести одновременно розыски такой массы лиц?

Харьков. В феврале полиция здесь накрыла «тайное собрание», в котором читался реферат о Ницше. Всех присутствовавших (в том числе одного профессора и члена суда Миклашевского) переписали. Дело замято. В драмат. театре недавно брошены с галереи вниз прокламации по поводу 200-летия русской печати. К 19 февр. полиция и войско готовились очень деятельно. У казаков было даже нечто вроде маневров: боевая стрельба, атака и т. д. Наостряли шашки. В город наехало много жандармов.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Насколько ложны постоянные вопли «официального» органа руссификаторов о «преступной пропаганде и агитации» в Финляндии, — красноречиво доказывает, между прочим, и нынешний «день мрака». Вот уже третий год весь Гельсингфорс в годовщину обнародования преступного манифеста 3 (15) февраля 1899 г. Николая II погружается 5 (18) февраля в глубокий мрак. С 7 часов вечера одни лишь уличные фонари освещали улицы, все магазины были закрыты, во всех окнах темно. По улицам прогуливалась многочисленная толпа. Огромная толпа, состоявшая, главным образом, из мальчишек, останавливалась под теми редкими окнами, в которых светился огонь (по большей части перед отелями), и свистом и криками требовала темноты. Грозно раздавались по мрачным улицам эти справедливые требования, и вскоре они поэтому исполнялись. Толпа по временам разрасталась в несколько тысяч человек. Известный и ненавистный всем финляндцам грубый сторонник Бобрикова, русский книгопродавец — плут Резвой, демонстративно, как ни в чем не бывало, не обращая внимания на толпу, и электрические лампочки освещали окна его магазина, но и этот негодяй, как говорят, по требованию полиции, вынужден был, наконец, закрыть свою лавочку. По словам очевидцев, эта оригинальная ночная демонстрация, продолжавшаяся весь вечер, производила сильное впечатление на зрителей. Полиция арестовала несколько представителей молодежи, которых до следующего утра она продержала в участке.

В предыдущих статьях я уже упоминал о покушении Плеве на финляндскую почту, теперь же я позволю себе сообщить некоторые секретные подробности по этому важному вопросу. Для скрепления подписи нового главного почтдиректора Ямалайнена в его секретном циркуляре почтовым учреждениям Финляндии о вскрытии писем, дословно воспроизводящем известный уже читателям летний циркуляр Плеве, была специально прикомандирована в почтовое управление темная личность Уотило, чиновник Нюландского губернского управления. Все переписчики главного почтового управления отказались от воспроизведения на пишущей машине преступного циркуляра. Эти факты свидетельствуют о непреодолимых трудностях проведения жандармской реформы в Финляндии. Перед нами вся чрезвычайно интересная переписка бывшего благородного почтдиректора Лагерборга с Бобриковым, его канцелярией и сенатом по вопросу о борьбе почтового ведомства с распространением «противоправительственной литературы». Мы познакомились со всеми документами руссификаторов и финляндского мужественного сановника, но, к сожалению, ограниченный объем газетной статьи нам не позволяет почти совсем воспользоваться этим важным и глубоко поучительным материалом, показывающим всю ревность русских администраторов-сыщиков. Уже с весны 1901 г. Бобриков открыл поход на финляндскую почту. Здесь мы приведем с некоторыми сокращениями лишь прошение об отставке Лагерборга.

«6 декабря (23 ноября) 1902 г. Его высокопревосходительству финляндскому г.-губернатору. Секретно. Рапорт.

«В отзыве от 17 (30) ноября сего года за № 5895 канцелярия ген.-губернатора сообщила мне заключение, которое в. в. соизволили выразить по докладе потребованного от меня объяснения вследствие того, что распоряжение м. в. д. о вскрытии писем, подозреваемых в содержании запрещенных произведений печати, еще не приведено в исполнение.

«В. в. благоугодно было признать мои действия по сему делу отступлением от надлежащего порядка и неисполнением моей служебной обязанности. Горестно пораженный этими заключениями, — первыми, которые достались мне за исполнение службы в 15-летний период, когда финляндское почтовое ведомство было мне вверено, — почтительнейше испрашиваю разрешения в оправдание моих действий доложить о причинах, на которых оно было основано.

«Как бы обширно ни разуметь власть, высочайшим Манифестом 31 мая (12 июня) 1890 г. присвоенную министру в. д. Империи относительно сообщения инструкций чинам финляндского почтового ведомства, невозможно, однако, считать, чтобы м. в. д. этим манифестом было предоставлено возлагать на почтовых чинов действия, запрещенные общим законом и за которые определены наказания. В § 14 гл. 40 Уголовного уложения В. К. Ф. от 19 декабря 1889 г. постановлено: „Если состоящий на службе по почтовому ведомству самовольно вскрыет письмо или что-либо иное, вверенное почте... то он подвергнется тюремному заключению не свыше 2 лет или денежному взысканию и, вместе с тем, когда преступление сего заслуживает, исключается из службы“. Так как законным владельцем письма считается его податель впредь до выдачи сего письма адресату, то слово „самовольно“ в этом постановлении неминуемо обозначает: без дозволения подателя или адресата. То, что в общем законе названо преступлением, не может административным распоряжением превратиться в законное действие. Чтобы в финляндском почтовом ведомстве ввести определение о вскрытии закрытых писем, хотя бы только таких, которые подозреваются в содержании произведений печати, для этого применяется надлежащим образом установленный закон. Порядок поступления с такою же целью в Империи не может служить руководством для соответствующего распоряжения в Финляндии, законы коей изменяются на других основаниях, нежели в Империи.

«Вышеприведенное обстоятельство, именно, что распоряжение м. в. д. касалось правовых вопросов, лежащих вне области почтовых правил, вынудило меня стараться довести этот вопрос до благоусмотрения высочайшей власти...

«Служебный долг также внушил мне вышеупомянутым всеподданнейшим обращением к е. и. в. стараться оградить финляндское почтовое ведомство от введения порядка, который в неисчислимой мере повредил бы правильному и быстрому ходу почтовой службы и в глазах публики унизил бы достоинство этого учреждения в то время, как специальная цель, которая этим имеется в виду, не достигалась бы в сколько-нибудь существенной степени. В положительном же результате было бы возбуждение у адресатов, часто напрасно вызываемых в почтовые учреждения для присутствия при вскрытии их писем, острого недовольства против почтовых чинов, тем более основательного, если эти распоряжения противозаконны.

«Поэтому считаю долгом в. в. откровенно высказать мое убеждение, что то распоряжение, отмену или, по крайней мере, узаконение которого... представлением я имел в виду, не может в применении приносить ничего иного, кроме вредных последствий, даже если смотреть на это дело исключительно с правительственной точки зрения и не обращать никакого внимания на интересы почтового ведомства, которые, однако, также заслуживали бы принятия в соображение.

«Так как, между тем, выражения в отзыве канцелярии генерал-губернатора за № 5895 дают понять, что в. в. рассчитывает на непосредственное исполнение распоряжения м. в. д. о вскрытии писем, и в виду того, что уже в настоящее время не смею питать надежду на восполнение закона или изменения означенного распоряжения в таком направлении, чтобы на почтовых чинов не возлагалась какая бы то ни была собственная инициатива при исполнении предначертанных свыше фискальных мер, а также принимая во внимание, что состояние моего здоровья подорвано, я более не в состоянии исполнять крайне обременительную должность главного почтдиректора в Финляндии.

«Почтительнейше докладываю в. в., что я сего числа в подлежащее место подал всеподданнейшее прошение об увольнении из службы.

Подписал: главный почтдиректор Лагерборг».

Этот рапорт не требует никаких комментариев.

* * *

В последней статье я сообщил некоторые подробности об увольнении царем 16 членов абоского гофгерихта (суда второй инстанции). Теперь достоверно известно, что в этом разгроме принял видное участие финляндский сенат, это послушное орудие гг. Плеве, Бобрикова и К^о. Судебный департамент сената вошел к Николаю II с докладом или попросту доносом на непокорных судей, не желавших финляндские суды превратить в Шемякин суд и считавших своим долгом дать ход жалобе отдельных лиц, пострадавших от казацкого побоища, на главного виновника его — незаконного губернатора Кайгородова. Таким же «докладом» сената был вызван осенний разгром всех трех финляндских гофгерихтов. Президенту абоского гофгерихта, выказавшему себя изменником, публика устроила шумные демонстрации — на вокзале в Гельсингфорсе и при возвращении его в Або. В Гельсингфорсе в отелях «не оказалось мест» этому славному триумфатору — г. Стренгу. К ночи его пришлось приютить другому изменнику, бывшему его сослуживцу, прокурору сената Ионсону. Бобриков поспешил выразить свою «высочайшую» благодарность новому абоскому губернатору и абоской полиции за то, что последняя якобы «предупредила» своими энергичными мерами демонстрацию. Однако «Финл. Газета» успела раньше чистосердечно разболтать о «повторении диких и оскорбительных манифестаций» по возвращении в Або г. Стренга, которого здесь встретили свистками и оскорбительными криками; «несколько человек гнались за ним на извозчиках с ругательствами и свистом», но были на полпути задержаны полицией. Позже кучка * людей покушалась произвести манифестацию перед квартирой президента, но попытка эта устранена мерами полиции. Как видит читатель, плохо вяжется сообщение органа Бобрикова с констатированием последним мнимого «предупреждения» демонстраций. Вообще финский народ, как он уже имел несколько случаев выказаться, умеет достаточно почитать своих изменников. Апрельская грозная демонстрация в Гельсингфорсе, напр., была протестом против изменников-сенаторов. Несколько времени тому назад азиатский сатрап Финляндии открыто должен был принять под свою защиту главный орган старо-фенноманской партии, который наряду с «Финляндской Газ.» подвергался бойкоту: многие почтовые конторы не принимали подписки на сии почтенные газеты. Подобных случаев мы могли бы привести очень много.

Время приближается к новому призыву новобранцев, и правительство чует уже благие результаты пассивного сопротивления. Уже многие общины, по примеру прошлого года, отказались от выбора своих членов в усиленные призывные присутствия. Снова состоялось, в виде «временной меры», прежнее «высочайшее» постановление о том, чтобы считать заседания присутствий по воинской повинности в Финляндии законными при наличии председателя и двух членов (назначаемых правительством). Вообще временщики не стесняются действовать «упрощенными» способами, но все их старания в этом году потерпят, несомненно, еще большее фиаско, нежели в 1902 г. Единственным разумным выходом был бы теперь для правительства отказ от стряпни г. Куропаткина, названной «новым уставом о воинской повинности», и предоставление финляндскому сейму законным порядком решить вопрос о воинской повинности. Разумеется, от дряблого царизма нельзя ожидать благоразумия, что хуже для него самого. Милостивый прием, конечно, был оказан временщиками в Петербурге семи влиятельным крестьянам, принадлежащим к старо-фенноманской партии, которые явились с неудачным проектом об отмене призывов в таких округах, где явится достаточное число добровольцев из призываемых нынешнего года. Этим реакционеры признали за-

* Курсив наш. Обычное уменьшение числа в «правительственных» сообщениях.

конность противозаконного устава 1901 г. о воинской повинности; словом, они поступили со свойственным их партии недальновидным оппортунизмом. Сенат подал еще три подобных петиции. Особенно жалки ссылки старо-финноманов в своей петиции на экономические причины: на нынешний голод в Финляндии и связанные с призывом огромные расходы. Разумеется, безрассудно с чисто экономической точки зрения для набора 140 человек призывать около 20.000 призываемых. Но в данном случае доминирующее значение имеют политические причины. Осуществление этого проекта облегчило бы правительству расправу с оставшимися верными конституции своей родины молодыми людьми, так как оно имело бы дело лишь с частью призываемой молодежи. Подобные недобросовестные вылазки старо-фенноманов встречаются в Финляндии со стороны всех истинных граждан резким осуждением, так как все разумные финляндцы успели уже убедиться в том, что лишь упорная борьба производит должное действие на царское правительство, а отнюдь не уступки и какие-то неуместные переговоры.

На днях одному из главарей старо-фенноманской партии, архиепископу Иогансону, был доставлен адрес-протест, покрытый 363 подписями женщин Эстерботнии. В нем выражается протест против его политической неустойчивости и выражается пожелание, чтобы он снова примкнул к оставшимся верными ее основным законам. Этому ловкому интригану женщины указывают, как он должен был воспользоваться в прошлом году своим исключительным положением и не оказывать ложного давления на пасторов при обнародовании нового устава о воинской повинности. При дружном отказе в подчинении и правильном влиянии духовенства на народ, новый «закон» непосредственно встретил бы непреодолимое препятствие. Вряд ли на людей, подобных Иогансону, могут подействовать подобные протесты, но, во всяком случае, они имеют огромное общественное значение, так как они доводятся до всеобщего сведения вольной прессой.

Нам постоянно приходится отмечать различные преступные выходы новой гельсингфорской полиции. В начале марта (н. ст.), известный уже читателю полицмейстер Карлстедт уволил двух городских за то, что они не воспользовались шашками при ночном столкновении с компанией молодежи. Почти одновременно с приказом Карлстедта по полиции об этом увольнении, губернатор Кайгородов собрал гельсингфорскую полицию и выразил ей благодарность за ее действия [1, 18 и 27 февраля (н. ст.)] * и увещевал городских пользоваться своим оружием. Он напоминал им, что они — воины, а не полицейские, и обещал их освободить от всякой ответственности, в случае если некоторые из них увлекутся и без нужды пустят в ход шашки. Не правда ли, характерная картина нравов русских чиновников, незаконно назначаемых в Финляндию? Из этих ташкентцев особенно отличается выборгский губернатор Мясоедов, превратившийся в глазах финляндцев в шута горохового. Наша статья и так уже затянулась, поэтому мы откладываем некоторые эпизоды с этим помпадуром до следующего номера.

Недавно состоялся в Выборгской губ. съезд более 200 представителей пассивного сопротивления из различных местностей Финляндии. Это собрание истинных граждан, принадлежащих ко всем общественным классам, приняло резолюцию ноябрьского съезда в Гельсингфорсе. Вообще финляндцы не думают отказываться от стойкого пассивного сопротивления.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Тверь. Верстах в сорока от Твери, около ст. Завидово, Никол. ж. д., есть небольшая ковровая фабрика Попова. Это в полном смысле слова — «глухое место». Но на днях было получено известие, что там вспыхнула

* Об этих днях см. № 35 «Искры».

стачка. Вслед за тем удалось достать письмо, писанное одним тамошним рабочим. Письмо это настолько интересно, как симптом нарастающего боевого настроения рабочей массы, что его следует привести целиком: «Дорогой А! Уведомляю вас, что мы прикончили работу в понедельник 12 числа, в 12 час. дня; кончили работу очень дружно, без всякого скандала. Лавку у нас заперли и хотят нас приневолить работать голодом. Вы не поверите, нас человек 200 — или, может быть, и больше — ходили на станцию собирать, лавка уже третий день заперта, но скандала — боже сохрани! Все друг другу только и наказывают: бейте, не шуметь, не скандалить, — надо тихо и смиренно себя вести. Нам на станции наподавали 2 руб. денег и 15 ф. баранок. Лавку нам не отпирают, мы просили раз двадцать, но нам отказывают; говорят: идите на работу, тогда и отпустят. Вы видите теперь, что нас хотят уморить голодом. Разве это не бесчеловечность? А теперь с 15-го на 16-е нам прибыли бумаги, что завтра расчет. Бумаги будто прислали от губернатора, но от расчета отказываются, говоря: отдай нам по Пасху, а на работу идти никто не хочет и не пойдет. Представьте себе теперь наше положение! Эта горсть богатырей и полуголодных как будто решила умереть, но не сдаваться и не поддаваться обманам!»

Пермь. Февраль месяц у нас полон событий. С начала месяца (второго) были произведены обыски у пяти человек: Е. Вошевой, В. Житковой, А. и Ф. Ягодниковых и Ю. Хлыновой. 3-го числа Вошева и Житкова были вызваны в полицию, оттуда увезены в жанд. упр. для допроса и взяты. 6 февр. были обыски в Мотовилихе* у шести рабочих. На 19 февр. в городе, в черте близлежащих заводов и в Мотовилихе были в большом количестве распространены прокламации Уральского Союза и соц.-дем. Комитета.

При расклеивании прокламаций попались двое рабочих зав. Любимова. За ними взяли еще троих рабочих того же завода, а затем двоих ж.-дор. рабочих. В Мотовилихинском заводе уже давно шло брожение, за эту же зиму оно обострилось, и по отношению к некоторым лицам из начальства (упр. Назаров) принимало даже резкую форму. А тут еще 19 числа были понижены расценки. Это послужило искрой, и стачка вспыхнула раньше ожидаемого времени (20 февр.). Забастовал прежде снарядный цех. С каждым днем число присоединявшихся цехов увеличивалось, и 22 февраля не работало уже десять цехов. Администрация не дремала: из города были вызваны не только жандармы и полицейские, но и две сотни солдат. С рабочими обращались грубо, вызывая: шашками, прикладами. До 22-го настроение забастовавших было хорошее. Держались спокойно. Ежедневно, а и то два раза в день, появлялись прокламации мотовилихин. рабочего Комитета и Пермского Комитета Уральского Союза с.-дем. и соц.-рев. В них описывались события дня (развитие стачки) и излагались требования рабочих — общие и по цехам. В воскресенье, 23-го, зав. начальство расклеило свои объявления с требованием во вторник выходить на работу и не слушать агитаторов. От вице-губернатора тоже появилось объявление, повторяющее требование зав. начальства и угрожающее поступить с бунтующими со всею строгостью. Отсутствие каких-ниб. сбережений после масляницы, а также и то, что общие требования долго не были формализованы, арест 22 человек рабочих, — все это сделало свое дело, и в понедельник настроение уже пало, а во вторник уже значительное большинство вышло на работу. Теперь, говорят, начинаются увольнения, будто бы уволили 200 чел. 25 февр. взят техник губ. земства В. Н. Попов.

Екатеринослав. Безработица продолжается, продолжается и систематическое ухудшение положения рабочих, занятых на заводах. Заимствуем из прокламаций местного Комитета некоторые данные, иллюстрирующие положение дел. На Брянском заводе в бессемеровском цехе вместо прежних 600 рабочих теперь ту же работу выполняют 300 человек, причем им часто приходится работать непрерывно 36 час.! В рельсопрокатном цехе рабочие

прежде работали 26-27 дней в месяц, теперь 10-12! В том же цехе щедро применяют «брак» продукта (рельсы), за который ничего не платится. Прокламация приводит пример, когда из прокатанных 3.600 пуд. 600 пуд. записали «в брак». В нижеднепровских ж.-д. мастерских расценки сильно понижены: за ремонт товарного вагона вместо прежних 7 руб. теперь платят 1 руб. 50 коп., на отделку дверей в столарном цехе вместо 18 руб. — восемь. Нижеднепровские рабочие в своей прокламации жалуются на отсутствие бань, столовой, на то, что паровое отопление функционирует лишь во время проездов какой-либо комиссии, в обычное же время рабочие мерзнут. Плохо поставлена медицинская помощь, в мастерских царствует ругань и грубость со стороны «начальства». На гвоздильном заводе Гантке с конца октября рабочий день сокращен на 3 часа (с 12 до 9 ч.) и сильно понижена поденная плата. Расценки тоже сильно понизились: в механическом цехе за расточку и нарезку прессовой гайки плата спустилась с 27 р. до шести. В механическом цехе теперь один рабочий заменяет двух-трех и более, на двух долбежных работает один, на двух строгальных — тоже один, один же рабочий работает на двух фрезеровальных и трех пилах, так что вместе 4 человека выполняют работу прежних десяти. На заводе процветает не только ругань, но и побои.

В прокламациях к рабочим разных заводов, из которых мы взяли эти факты, рабочие приглашаются давать отпор новым прижимкам капиталистов. Одновременно прокламации разъясняют рабочим значение политической борьбы за устранение режима, ограждающего злоупотребления эксплуататоров. Агитация ведется комит. очень энергично, не растрачиваясь по мелочам, но и не игнорируя этих мелочей, очень важных для разъяснения рабочим на фактах их повседневной жизни всех зол и бедствий современного строя. Мы находим очень целесообразным, что, концентрируя в своих руках общую агитацию, Екатеринославский Комитет предоставляет отдельным группам организованных рабочих составление этих частных листов. Такое расширение самостоятельности работающих под общим руководством Комитета групп весьма желательно и может способствовать внесению в необходимую агитацию на почве профессиональных нужд разных слоев пролетариата больше оживления и оригинальности. Насколько мы знаем, Киевский Комитет установил недавно такой же порядок ведения агитации по ремеслам.

Местный Комитет продолжает выпускать свой периодический «Листок» — род местной газетки, наиболее, повидимому, приспособленный к условиям нашей нелегальной работы. В приложении к № 8 этого листка помещена хорошо написанная статья «По поводу одной катастрофы». Речь идет о пожаре в Аненском руднике Успенского (около Юзовки), жертвой которого погиб шестьдесят один рабочий. Только 16 из работавших в шахте спаслись от ужасного бедствия.

«Кровь наших бедных товарищей, — говорится в статье, — падет на голову тех, для кого нажива и деньги дороже человеческой жизни... кто изо дня в день, из года в год сосет рабочую кровь, кто даром живет рабочим трудом и стремится держать работника в тупой покорности, в рабском подчинении».

Далее рассказывается, что, когда начался пожар, то не оказалось никаких снарядов и инструментов для тушения, не было даже кишки и ведра. Вентиляция шахты — никуда негодная. Горная инспекция состоит в самых дружеских отношениях с горнопромышленниками и сквозь пальцы смотрит на все безобразия в техническом оборудовании шахт. Законопроект об ответственности предпринимателей остается под сукном. Следующая осиротевшим семьям пенсия задерживается в страховом обществе.

Все издания Екатеринославского Комитета напечатаны в собственной типографии очень недурно.

На ст. Панютинно и Лозовой «Группой сознательных рабочих» распространено в феврале воззвание к рабочим и крестьянам под заглавием: «Что такое социалист или социал-демократ?» В воззвании опровергаются буржуазные клеветы на социализм и объясняется сущность идеалов социализма.

* Пушечный завод близ Перми.

В Тифлисе в январе забастовали раб. завода Яралова — требовали увеличения платы. Требования не удовлетворены; 30 чел. остались без работы.

Из Батума сообщают, что перед Рождеством рабочие всех крупных мастерских и заводов объявили прекращение работ и взяли расчет. Они требовали повышения платы. Но после праздников работы начались на прежних основаниях. Войско, двинутое отсюда в Батум перед праздниками, до сих пор находится там.

По сведениям легальных газет, в Тифлисе 23 февр. была демонстрация. Подробностей о ней мы, к сожалению, пока не получили.

Сувадки. 15 января (письмо рабочего). Сегодня в нашем городе была демонстрация; повод к ней дала смерть 25-летнего рабочего Давида, по профессии кожевника. Демонстрация продолжалась от 3 ч. пополудни до 8 ч. вечера. Рабочие, узнав о смерти товарища, бросили работу и пришли отдать долг покойному. Собралось около 400 человек, в том числе посторонние, желавшие посмотреть на зрелище. В 3 часа шествие двинулось к кладбищу. Покойного несли организованные рабочие, — посторонних не пускали. Когда рабочие очутились на кладбище, они сгруппировались, и здесь были произнесены речи, между прочим, о необходимости политической и экономической борьбы. Речи продолжались около часу и закончились возгласами в память покойного товарища, против самодержавия и в честь политической свободы. Когда гроб был засыпан землей, один рабочий прочел стихотворение, другой сказал надгробное слово, и рабочие хором спели еврейские революционные песни. С кладбища рабочие двинулись процессией по четыре в ряд, прошли по всем главным улицам с пением. Публика, никогда еще не видавшая ничего подобного, пришла в недоумение. Некоторые встречавшиеся офицеры снимали шапки и сочувственно нас приветствовали. Демонстранты прошли до дома покойного с возгласами: «долой полицию, да здравствуют сувадские рабочие, вечная борьба с правительством!» Арестов не было.

Белосток. На сталелитейном заводе Вечерека началась недавно стачка 500 чел. по следующему поводу: на второй день после демонстрации городские пришли на этот завод точить свои сабли. Рабочие страшно возмутились и забастовали. Выставили еще след. требования: 1) увеличить плату; 2) не допускать к работе малолетних; 3) не обыскивать при выходе из фабрики... Город все еще находится в состоянии возбуждения. Как днем, так и ночью маршируют патрули с барабанным боем. Между прочим, характерен для переживаемого нами момента такой факт: 15 солдат под командой офицера патрулируют по одной улице. Несколько рабочих стали бросать в них камнями, и все солдаты моментально обратились в бегство. Офицер закричал: «Солдаты, за мной!», но никого уж не было. Командир этого (Казанского) полка получил строжайший выговор, а двух офицеров арестовали на три недели на гауптвахте.

В Казани 19 февр. на заводах Свешникова, Алафузова, Крестовникова и др. распространено воззвание Комит. партии. В воззвании проводится параллель между рабством помещичьим и современным политическим рабством русского народа. — Однородное воззвание издано Воронежской «Кассой Борьбы». Воззвание заканчивается приглашением местных раб. примкнуть к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Кострома. В конце января была стачка на фабр. Кашина. Бастовало около 500 человек прядильщиков. Требовали увеличения платы и времени для чая и завтрака. Забастовка продолжалась четыре дня. Арестовано семь рабочих. Требования отчасти удовлетворены, и арестованные по требованию забастовщиков освобождены.

ИЗ ПАРТИИ

ПО ПОВОДУ ПРОТЕСТА ВОРОНЕЖСКОГО КОМИТЕТА¹².

Недавно образовавшийся Воронежский Комитет партии издал подробный протест против «Извещения» Орган. Ком. Помещая ниже обстоятельные ответы О. К. и группы «Южного Рабочего» на нападки, которым Вор. Ком. совершенно неосновательно подверг эти организации, мы, с своей стороны, можем избавить читателя от опровержения кое-каких любезностей, направленных непосредственно против ред. «Искры». Широко пользуясь методом «наведения справок» — иначе, собираванием непроверенных и не поддающихся проверке слухов, — Вор. Ком. пришел к заключению, что Орг. Ком. — плод интриги организации «Искры». Мы сожалеем, что недостаток места не позволяет нам привести все перлы относящихся сюда рассуждений Вор. Ком. Знакомство с ними могло бы иллюстрировать выраженную в письме «Сев. Раб. Союза» (в № 34 «Искры») мысль о «мало-освещенных уголках нашего отечества».

Ответ Организационного Комитета.

В своем извещении Организационный Комитет писал: «отношение комитетов и организаций к О. К. покажет, насколько правильно он понял потребность момента». И О. К. в этом отношении может считать себя вполне удовлетворенным. При поддержке организации «Искры», Бунда, группы «Южного Рабочего», С.-Петербургского Комитета, при признании его Комитетами Московским, Киевским, Харьковским, Екатеринославским, Донским, Северн. Союзом, Одесским и Николаевским он может смело взяться за выполнение поставленной им себе задачи, в полной уверенности, что он доведет ее до желанного конца. О. К., конечно, не скрывал от себя и тех препятствий, которые ему придется встретить на пути в виде всевозможных заподозриваний в тайных замыслах, в виде инсинуаций и клеветы; но твердая уверенность в настоятельности поставленной себе задачи позволяла надеяться, что в большей своей части товарищи, работающие над великим делом освобождения пролетариата, придут ему на помощь, забыв всякие счеты, если таковые имеются. И надежда эта нас не обманула. По крайней мере до сих пор перед нами один только факт, который может быть причислен к указанным выше препятствиям: мы имеем в виду листок Воронежск. Ком.

Вор. К., «получив листок, озаглавленный „Извещение об образовании Орг. Ком.“... посвятил специальное собрание на обсуждение» как самого листка, так и затронутых им вопросов... Свои «мнения и прения» Вор. Ком. решил оповестить *utbi et orbi*. Мы, однако, не приведем здесь этого образца безграмотности, нелогичности и инсинуаций; мы ограничимся лишь резюмированием тех мест, которые относятся к О. К. (в листке достается всем организациям, принимавшим участие в образовании О. К., — эти организации, вероятно, не преминут ответить Вор. Ком.). О. К., по мнению Вор. К., составлен тенденциозно, по кумовству; крайне опасно, что, помимо созыва с'езда, Орг. К. взялся еще выполнять кое-какие общепартийные функции; такое совмещение двух функций («учредить Временное Правительство и ему же поручить ускорить себе смену созывом с'езда») по мнению В. К., равно тому, «как нашим неответственным министрам поручить собрать с'езд для их контроля». В виду этого В. К. обращается ко всем с предостережением: «Товарищи, — пишет он, — при росте нашей партии в ее составе окажутся люди с разными темпераментами, характерами, тенденциями и планами, надо зорко следить, чтобы отдельные лица или группы не делали молотом в своих руках (кого?). Надо, чтобы способности товарищей были использованы партией, но чтобы все деятели руководствовались постановлениями с'ездов и работами конференций. В знаменосцы партия должна выбирать не только людей теоретически осведомленных, не только товарищей с практическими способностями, пре-

данных революционной соц.-дем., но и людей, стоящих на высоте этики, суммирующей культуру человечества»*.

Было бы весьма интересно на примере Вор. Ком. показать, как среда определяет психологию человека: самодержавный режим наложил неизгладимую печать на весь образ мыслей Вор. К. В каждом революционере или революционной группе, стремящейся положить конец господствующему в партии хаосу, он видит «неответственных министров», «правительство», стремление захватить власть и т. д. Жаргон его тоже взят из лексикона полицейского застенка. «Искра» — опричник соц.-дем., полемика ее — плетка и т. д. Но как ни поучителен этот пример отражения общественно-политического строя в сознании людей, О. К. не займется, однако, научными изысканиями, не займется он также разбором философского вопроса, должен ли, действительно, высший нравственный принцип «суммировать культуру человечества». Одно только ясно, что если этика Вор. К. «суммирует культуру человечества», то сам В. К. на собственном примере показал всю несостоятельность этой этики. Ведь нельзя же, в самом деле, признать нравственным — не только с точки зрения «этики, суммирующей культуру человечества», а вообще какой угодно этики — обвинение в безнравственности кого бы то ни было без всяких на то данных, тем более целой организацией, которая уже теперь признана большинством комитетов партии и к которой обращается с предложением сам В. К. (см. листок В. К.).

Мы оставим без ответа все эти и тому подобные обвинения и инсинуации, надеясь, что они найдут должную оценку со стороны комитетов и организаций партии, к которым Вор. К. и обратился со своим посланием. Здесь мы ограничимся лишь разъяснением некоторых фактических сторон, затронутых листком Вор. Комитета.

1) В «Извещении» не указано было, каким организациям поручено было составление О. К., как не указаны еще кое-какие подробности из чисто конспиративных соображений. В настоящее время считаем необходимым сообщить, что ни одна из организаций, которым «конференция» поручила составление О. К., не обойдена, и в настоящее время все они имеют в нем своих представителей. В О. К. конференция выбрала представителей организаций, работающих в России. Поскольку речь идет об «Искре», то имелась в виду русская организация «Искры», поскольку о Бунде, — представитель Ц. К. его, а не Загран. Ком. Бунда. Представитель Союза русских соц.-дем. за границей** не был конференцией избран в О. К., что вполне понятно, так как эта организация исключительно заграничная.

2) Временное выполнение некоторых общепартийных функций было возложено на О. К. самой конференцией, поэтому весь заряд остроумия В. К. по поводу совмещения двух функций направлен не по адресу: он всецело относится к тем организациям, которые участвовали в конференции. Впрочем, О. К. не откажется принять его и на свой счет. В своем «Извещении» О. К. указывал, что на него необходимо смотреть как на частное учреждение; особенно это относится ко второй части его задачи. Никому он своих услуг не навязывал. Он полагал, что, доставляя комитетам литературу, листки, помогая им связаться между собой, он этим идет навстречу настоятельной потребности. Он полагал, что было бы крайне плачевно, если бы избранные на съезде центральные учреждения партии нашли *tabula rasa*, на которой им пришлось бы расписывать узоры. Необходимо для возможности деятельности будущего Ц. К., чтобы он нашел, по крайней мере, зачатки хотя бы технической организации, связывающей разрозненные силы. Без этого мы рискуем опять получить бумажное объединение, а не фактическое, мы рискуем дискредитировать понятия: съезд и Ц. К., так как без этого постановления съезда надолго останутся невыполненными, Ц. К. — надолго неде-

способным. Это трюизм для всех, кто знает, как трудна и как много времени требует эта техническая сторона нашей деятельности. Если же Вор. К. с этим не согласен, никто не просит его пользоваться нашими услугами. Насильно мил не будешь.

3) Майский листок 1902 г. не был составлен литературными организациями за их подписью, как утверждает В. К. (где он был в это время?), а ред. «Искры», ею в виде проекта отпечатан и разослан, а потом принят конференцией, за подписью которой он и был распространен.

4) Что касается «кумовства», то мы не последуем за В. К. и не предпримем сыска и расследования в консисторских записях. Но, быть может, на языке Вор. К. «кумовство» означает единомыслие? В таком случае, каемся, есть такой грех. В О. К., действительно, господствует солидарность по всем более или менее важным вопросам. Но мы отнюдь не думаем этого скрывать и не считаем это преступлением. Наоборот, мы думаем, что только благодаря этому возможно было составить дееспособную группу. О. К. думает, что и существование партии возможно лишь при наличии, по крайней мере, довольно значительного единомыслящего большинства. Тем более это относится к небольшой замкнутой организации, все равно для какой функции она ни создавалась бы. Неужели Ворон. Ком. забыл басню Крылова: «Лебедь, Щука и Рак»? Не мешало бы любителям винегретов по временам перечитывать эту поучительную басню. В назидание Вор. К. сообщим не басню, а быль. Когда прошлой весной конференция хотела выработать общую резолюцию, определяющую отношение присутствующих к животрепещущим вопросам партийной деятельности, чтобы положить ее в основу дальнейшего обсуждения, то ни одна из предложенных резолюций не могла быть принята. Неужели подобная картина особенно приятна сердцу Воронежского Ком.? Разные бывают вкусы.

Организац. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

По поводу листка Воронежского Комитета.

Предоставляя Организационному Комитету и, главным образом, редакции «Искры» ответить на листок Воронежского Комитета в целом, мы считаем необходимым ответить на него только в части, касающейся нашей группы. В виду того, что, с одной стороны, мы не знаем, как далеко разошлось «Воззвание» Вор. Ком. в виду представляемого этим воззванием интереса, с другой — мы полагаем необходимым привести полностью относящиеся к нам краткие, но выразительные строки этого поистине замечательного документа. «Ю. Р.» — очень уважаемая организация, но ее заслуги не принадлежат только ее данному составу. Партийная точка зрения «Ю. Р.», встретившая общее сочувствие, выразилась в его первых номерах, главный литературный работник которых — теперь противник «Искры», но теперешняя редакция «Ю. Р.» заявила, что признает «Искру» своим руководящим органом (по наведенным справкам оказывается, что в таком постановлении не участвовали ни южно-русские комитеты, ни даже все литературные сотрудники «Ю. Р.»). Мы чрезвычайно благодарны Вор. Комитету за оказываемое им группе «Южного Рабочего» уважение, но, к сожалению, совершенно не можем выяснить, относится ли это уважение к прошлому или же мы продолжаем пользоваться им и в настоящем. С первого взгляда кажется, что правильнее последнее понимание, так как говорится о «заслугах» группы. Спорным является только пункт о принадлежности этих заслуг «данному составу группы»*. Отдавая должное заслугам вышедших уже товарищей, мы тем не менее предложили бы Вор. Ком. продолжить «наведение справок», так как таким путем ему удалось бы установить: 1) что один член из «данного состава группы» (теперь редакция) состоит редактором с 3-го номера «Ю. Р.», другой принимает в нем самое близкое участие также с 3-го и с 8-го номера состоит редактором; 2) что лица эти и по настоящее время не изменили той, употребляя не вполне вразумительную терминологию В. К., «партийной точки зрения», которая, по его словам, встретила «общее сочувствие» и выразилась «в первых (курсив наш) номе-

* Во избежание недоразумений в дальнейшем, считаем долгом разъяснить Вор. Ком., что «группа Южн. Раб.» и «редакция» его — понятия, не совпадающие. Понятие «группа» шире.

* Воронежцы, вероятно, найдут, что мы с ними жестоко поступили, выхватывая отдельные пикантные места их литературного творения. Думаем, что мы имеем на то право. Каков бы ни был контекст, он ничего не может изменить в приведенных словах: очень уж специфич. у них запах.

** Прим. редакции: Воронежский Комитет в своем листке жалует на то, что «Союз» не имеет своего представителя в Орг. Комитете.

рах „Ю. Р.“). Последнее чрезвычайно важно, так как, «если верить В. К., ему важны не личности, а представительство принципов» данной организации. И если заслуги «Ю. Р.», как органа состояли в проведении определенных «принципов», то здесь и нашего «хоть капля меду есть». Но, повторяем, мы охотно признаем, что «заслуги» наши в деле приобретения уважения В. К. очень скромны по сравнению с заслугами ушедших по независимым от нас обстоятельствам товарищей. К сожалению, из дальнейшего выходит как будто, что и «заслуги» наши весьма сомнительны по уверению В. К. «Теперьшая редакция „Ю. Р.“ объявила „Искру“ своим руководящим органом», а «диктаторствующая» «Искра» симпатиями и «уважением» В. К. отнюдь не пользуется. Итак, теряем ли мы «уважение» В. К.? Если важно «представительство принципов» и пр., то, конечно, нет, так как ни взгляды личного состава редакции, ни направление редактируемого ею (в пополненном составе) органа не изменились от первого до последнего номера, в чем можно убедиться, сравнив все номера «Ю. Р.»*. Если же важны не определенные взгляды, а нечто иное, скажем, известный ярдычок, то, несомненно, теряем. Продолжая проводить те же, одинаковые с ненавистной В. К. «Искрой» взгляды, мы бы продолжали пользоваться его «уважением» и по сие время, если бы в один несчастный день не засвидетельствовали официально того, что уже существовало фактически. Кстати, маленькое недоразумение: откуда собственно В. К. вычитал, что «редакция „Ю. Р.“ объявила своим руководящим органом „Искру“». Если это «оказывается» все по тем же «справкам», то смеем уверить В. К., что справки эти — самый недостоверный источник, так как «редакция» «Ю. Р.» никогда подобного заявления не делала. В этом В. К. убедится, когда прочтает, «пальчиком водя», заявление «группы Ю. Р.», помещенное в 10-м номере органа того же имени и в «Искре». Что же это? умышленно, неведомо в каких целях сделанное искажение или неизвинительное для выступающей с публичными обвинениями организации непонимание? Допускаем последнее, так как вообще все заключения В. К. строятся по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Не разбираясь в таких тонкостях, как литературное сотрудничество и редактирование, В. К. с угрожающим видом объявляет, что «главный литературный работник» «первых номеров „Ю. Р.“» — теперь противник «Искры». Мы, конечно, не знаем, в каком департаменте наводит свои «справки» В. К., и решаясь положить на его осведомленность в данном случае, допускаем, что кто-нибудь из бывших сотрудников или даже редакторов «Ю. Р.» в настоящее время и объявил себя противником «Искры». Но, во-первых, рискуя показаться нескромными, осмеливаемся думать, что звание «главного литературного работника» по всей справедливости должно принадлежать работающему и по настоящее время среди нас товарищу, принимавшему самое близкое и непосредственное литературное участие во всех номерах «Ю. Р.», начиная с 3-го. Во-вторых, если бы даже это было не так, то почему собственно В. К. полагает, что взгляды лица (хотя бы и некогда «главного» литературного работника), ничем в настоящее время не связанного с редакцией, должны влиять на ее решения? И больше того: если бы даже это лицо состояло не только в числе сотрудников, но даже в числе редакторов, то почему его именно мнением должна была бы руководствоваться редакция? Повторяем, процессы мышления в головах «авторов» листка В. К. идут какими-то неведомыми нам путями. В интересах истины считаем долгом сообщить В. К. «отрывок из прошлого „Ю. Р.“». Было некогда в числе редакторов «Ю. Р.» лицо, не вполне солидарное со взглядами «Искры». Лицо это участвовало в редактировании четырех номеров «Ю. Р.» (только не первых) и, правда, занимало видное место по своим литературным дарованиям. Но, как легко убедиться всякий, внимательно читавший нашу газету читатель, эти особенные взгляды названного лица ничем не отразились на направлении органа. В настоящее

* 2-й номер мы, пожалуй, совсем бы исключили из рассмотрения в виду того, что после провала оригинала этого номера он был по памяти воспроизведен заведующим техникой и, следовательно, редактированию не подлежал.

время лицо это редактором не состоит, и каковы его взгляды теперь, — мы не знаем. Думаем, что это именно лицо имел в виду В. К., когда с грозным видом говорил о главном литературном работнике первых номеров, положившем будто бы такой отпечаток на первые номера «Ю. Р.».

В заключение не можем не порекомендовать В. К. поставить дело революционного сыска поаккуратнее. Иначе ему с «наведением справок» придется еще не раз садиться в лужу. Думаем, что было бы гораздо приличнее и проще не «наводить» этих таинственных «справок», а обратиться прямо к группе Ю. Р. или к южным комитетам. Группа объяснила бы ему, что она никого в заблуждение вводить не желала (разве только людей, недостаточно умных, чтобы разобраться самим, или недостаточно добросовестных, чтобы обратиться за разъяснениями к товарищам, а это уж не ее вина), объявляя от своего только лица о солидарности с «Искрой». А комитеты прибавили бы, что после неудачной попытки объединения южных комитетов и организацией редакция «Ю. Р.» объявила южным комитетам, что она отказывается от наименования себя «органом союза южных комитетов и организаций» и продолжает существовать в виде самостоятельного предприятия, как существовала до возникновения союза южных комитетов и организаций. Что касается утверждения, будто не все литературные сотрудники «Ю. Р.» изъясили свое согласие на опубликование заявления группы, то это просто ложь. Все сотрудничающие в «Ю. Р.» в настоящее время лица приняли это заявление (что, впрочем, официально и не обязательно, ибо заявление сделано от имени группы, в состав которой «сотрудники» не входят).

Группа «Южного Рабочего».

В феврале этого года Главное Правление (Центр. Ком-т) «Социал-Демократии Царства Польского и Литвы» выпустило и распространило в 2.500 экз. прокламацию о ноябрьских событиях в Ростове. Приводя полностью текст известного воззвания Донского Комитета «Ко всем гражданам в России», польские товарищи разъясняют значение выступления на политической арене русского пролетариата, как той силы, которая в союзе с пролетариатом всех национальностей, обитающих Россию, нанесет самодержавию смертельный удар. «И в то время, как польские буржуазные классы заодно с русскими эксплуатируют рабочий люд во всем государстве, польский пролетариат в братском союзе с рабочим классом всей России сокрушит позорное, дикое самодержавие царского правительства. Тогда-то соединенный пролетариат всего государства не только освободит себя от политического рабства, пробивая себе путь к социализму, но и освободит весь польский народ и другие подвластные царю народы от национального угнетения, и проложит польской цивилизации путь к развитию».

...От имени борющегося польского рабочего класса мы выражаем свою полную солидарность борющемуся пролетариату русскому, героям же рабочим Ростова и Тихорецкой и Донскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. шлем братское поздравление».

Вышли в свет след. новые издания Лиги рев. русск. соц.-рем.:

- 1) Каутский. Эрфуртская программа.
 - 2) Тун. История революционного движения в России. С предисловием Г. Плеханова и приложением статей Кольцова (о конце «Нар. Воли»), Плеханова (о русской социал-демократии), П. Лаврова и Стефановича (из «Черного Передела» — о Чигиринском деле).
 - 3) Амвросий, член Донского Ком. Росс. С.-Д. Р. П. Правда о ростовских событиях.
 - 4) Г. Плеханов. Н. А. Некрасов (к 25-летию его смерти).
- Печатаются и вскоре выйдут в свет:
- 1) Л. Мартов. Рабочее движение в России. Второе переработанное издание.
 - 2) Милитаризм и рабочий класс.
 - 3) Ленин. К деревенской бедноте (опыт популяризации для крестьян соц.-дем. программы).
 - 4) К. Каутский. Социальная реформа и революция.
 - 5) Пролетарский праздник.

Подготавливаются к печати:

- 1) В казарме (из записок солдата социал-демократа).
- 2) Л. Мартов. Красное знамя в России (второе издание).

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

В европейских газетах телеграмма от 28 (15) марта сообщает о новом ужасном побоище, имевшем место в Златоусте во время стачки на казенном заводе. Судя по этому сообщению, рабочие напали на дом, в котором находился уфимский губернатор, и требовали освобождения трех арестованных товарищей. Солдаты стреляли, убили 28 раб., ранили 50!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Екатеринослав. В феврале арестована женщина-врач Вольфенсон (во второй раз).

Казань. Еще в конце декабря прошлого года было около 70 обысков. Были арестованы: наборщик Беляевский, братья Кролюницкие (студент и бывший студент), Витман, Кибардин (бывший студ.), Краева (курс., вып.), Деханова (курс.), Леви (курс.), сестра ее и еще 12 раб. (почти все выпущены). Роль провокатора играл наборщик губернской типографии Купидонов, привлекавшийся в 1901 г. по политическому делу. 8 февраля арестован студ. Фортунатов, бывший ученик местного технического училища Залежанский, два семинариста и еще два лица.

Киев. На Демиевке в феврале арест. сходка из 47 рабочих. Толпа человек в 300 устроила демонстрацию перед участком, требуя их освобождения. — Ростов-на-Дону. В связи с демонстрацией 2 марта арестов.: Браиловский, Рейзман, Локерман, Елена Рогачева, рабочий Солом. Борохов и мн. др.

Москва. В ночь с 14 на 15 февраля арестованы: курсистки: Манасевич, Гефтер, Нина Баумштейн Иевлева, Четверякова, Шарова; студенты: Шмидт, Вендрих, Цыханович, Львов, Андреев, Четвериков, Славицкий, Подгорный, Кропачев, Лугин, Михайлов, Никифоров, Кантакузен; землемеры: Гурович и Шаров; прис. пов. Кохмеров, студент Межев. инст. Плетнев; бывш. гимназ. Процен; Кравцов, учитель Власов, Шибаев. — Во время недавних волнений в Межевом институте выслано человек 40 студентов. Студенты Бурмистров, Балмотов и Мантиев выделились в качестве доносчиков. — В Харькове арест.: телеграфисты Доброскок и Коняев, студенты Костяков и Якобсон (последний по приказу из Варшавы), врач Леонов. Из тюрьмы выпущены Вл. Цедербаум и студ.-технолог Ефименко. Бывший студ. Баумштейн по делу о крестьянских беспорядках в Полтавск. губ. сослан на 5 лет в В. Сиб. В конце февраля арестованы г-жи Миргородская и Смирнова и 11 раб. — Иркутск. В 20-х числах января были обыски среди рабочих ж.-д. депо и мелких мастерских. Арестовано около 10 раб. Взяты также кладовщик Общества потребителей Забайк. дор. Аншелес, его сестра и служащий в о-ве потребителей Решетов. 11 февраля был обыск в квартире ученика фельдшерской школы Бажедомовой и А. Гершанович. — Кишинев. По делу о пропаганде в 1901 г. приговорены к ссылке в В. Сибирь на 4 г. Григорий Финкельштейн и Алекс. Яновский; к 6 мес. «Крестов» Лейз. Либерман и Шика Кушнир; к 3 мес. тюрьмы — Тимофей Яновский. — Ярославль. 19 февр. распространялись листки, что вызвало аресты; взяты: студ. Соболев, Магистров и несколько рабочих.

Содержавшийся в ст. Каменской в тюрьме Ив. П. Брагин нервно расстроен и переведен в новочеркасский дом умалишенных. У него мания преследования. На развитие болезни, несомненно, оказали влияние скверные условия Каменской тюрьмы, хотя обращение с ним было сравнительно недурное. Уже больного Ив. П. держали 17 дней в тюрьме, где над ним потешались уголовные. Мать Брагина ходатайствует о переводе больного в Москву.

Сосланы: Лидия Маркова (по д. Пет. Союза Борьбы 1901 г.) на 3 года в Волог. губ. и Герасимович, студ. (по Смоленскому соц.-дем. делу 1902 г.), на 3 года в Архангельскую губ. Из Ростова-на-Дону сослан в Вост. Сибирь до приговора бывший студ. Харьк. ун-в. М. Серебряков, несколько раз уже привлекавшийся и в последний раз арестованный в марте 1902 г. Из Спб.: А. Хавский — в Якут. обл., Чарушников — в имение брата, Александр Крупский — на 3 г. в Вост. Сиб., Дм. Зайцев — на 5 лет в Вост. Сиб., Дм. Тагеев — на 3 г. в Вост. Сиб., В. Семенов — в Ковенск. губ. на 3 г., Фессалоницкая — на 5 лет из столицы, Моисей Лурье (бывший эмигрант) — в Вост. Сиб., Леонид Буланов, бывший прежде на поселении в Вост. Сиб. по делу «Земли и Воли» и ар. в 1902 г. в Саратове, увезен из Петр. креп. неизвестно куда.

Из Одессы сообщают, что известный провокатор рабочий Гандер вновь появился на горизонте. Несмотря на то, что этот господин уже неоднократно был опубликован как шпион, находятся люди, относящиеся к нему по-товарищески. стыдно, господа!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Читателям. В мою статью «Социальная демократия в России», напечатанную в приложении к только что вышедшей на русском языке книге А. Туна «История революционных движений в России», закралась следующая, искажающая смысл, опечатка. На стр. 271, в последней строке, напечатано: социализма политике. Бунтари отрицали ее во имя «агитации». Должно быть: социализма политике. Лавристы защищали «пропаганду»; бунтари отрицали ее во имя «агитации».

Исправить эту опечатку я очень прошу всех читателей, которым попадет в руки книга Туна. Г. Плеханов.

Осипу и Трудолюбцам. Пришлите новые адреса для писем: очевидно, наши не доходят.

Жаку. Когда же вы свяжетесь непосредственно с нами?

Искровцу. Статья об ограничении самодержавия отложена за недостатком места.

Получено: Из Москвы через Е. 50 руб.; из Берна в февр. за лит. 179,70 фр.; с бала 105 фр.; из Женевы 58,20 фр.; от друзей 20 руб.; из Томска от Ком. 30 р.; из Берлина собр. 19 февр. в пользу арест. 18,20 м.; из Полтавы 130 м. Через Женеву: из Вены за литер. 15 крон, из Ш. за лит. 10,55 ф., из Давоса по листу № 101 100 ф., из Карлсруэ с веч. 70 м., с реферата в Фрейберге 20 м., из Ма за лит. 37 ф., из Вост. Сиб. от врача Короткова 10 р., от Цюр. Сиб. Кас. 25 р. и 40 ф. От прибалтийцев на «Искру» 27,80 руб., Г. О. 7 р., от Грин ежемесячно 5 р.

Отчет Сибирской Кассы с 22 июля 1902 г. по 6 февраля 1903 года.

Приход (во франках и сант.). В кассе к 22 июля оставалось 4,63. Из Цюриха: членских взносов 69,00, собрано по листкам 103,25, пожертвовано 45,05, доход с бала 763,26. Через г. Аксельрода: от «друзей из Вяземской лавры» 13,53, из Л. с вечера у К. С. 30,00, из Лиона 25,80, из Л. через М —скую 4,00, через Юлия 10,00. Из Моритца от Фр. Бифи (по воззванию) 15,00, из Винтертура 66,80, из Давоса (12,50 и 15,00) 57,50, из Германии по листку С. К. и Б. через В. 21,00, из Льежа (77,00 плюс 250,00, плюс 120,00, из них 100,00 «от старых и молодых революционеров») 447,00, из Нью-Йорка 87,50, из Берна чер. Ф. 8,00, из Давоса чер. г. Аксельрода 184,00, из Митвайды 89,00 (из них 39,00 собрано за декабрь и 50,00 собрано в пользу пострадавших от стачки в Ростове, Новороссийске и Тихорецкой), из Лозанны в пользу пострадавших от стачки по подписному листу 25,00, членских взносов в Цюрихе 14,00, пожертвовано в пользу заключ. 2,40. Долги с бала 15,40.

Расход (во франк. и сант.). Печатание воззваний 12,500, послано в Одессу для ссыльн. и заключ. 15,00, в Енисейскую губ. 40,00, через Бунд эмигр. (в счет буд. сбора) 100,00, в Верхоненск ссыльному 45,00, то же 55,00, в В. Сибирь через П. Соц.-Дем. 50,00, на Сахалин (75 руб.) 199,10, в Иркутскую губ. чер. К. (100 р.) 265,50, 4 эмигрантам (в счет будущего сбора по разосланным листкам) 100,00, больному рабочему-эмигранту по подписному листу 76,75, в Москву

ссылн. и заключ. через Соц.-Дем. 200,00, почтовые расходы 17,10 и 3,25, в Енис. губ. ссыльн. чер. Бунд 200,00, пострадавший от стачки в Ростове, Новоросс. и Тихорец. чер. «Свободу» 50,00, пострадавший от стачки чер. «Рев. Росс.» 25,00, за локал 2,00. Всего прихода 2.101,12. Всего расхода 1.591,20. В кассе к 6 февраля 1903 г. — 509,92.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Древние римляне называли идами день среди месяца, приходившийся на 15-е число в марте, мае, июле и октябре и на 13-е число в остальные месяцы.

Прим. 2. Международное Товарищество Рабочих — название Первого Интернационала, основанного 28 сент. 1864 г.

Прим. 3. См. прим. 6-е к № 18 «Искры».

Прим. 4. Барбес Арман (1809—1870) — французский революционер, участник ряда заговоров и восстаний в 30-х годах во Франции. Вместе с Бланки Б. основал подпольное «Общество времен года», члены которого являлись последователями французского коммуниста XVIII столетия Бабефа и сторонниками заговорщицкой тактики. После неудачного восстания в 1839 г. был приговорен к смертной казни, замененной ему пожизненной тюрьмой. Освобожденный революцией 1848 г., Б. основал политический Клуб Революции и был избран в Национальное Собрание. Поддаваясь настроениям мелкой буржуазии, Б. ведет ожесточенную борьбу с Бланки, но движение рабочих масс увлекает его влево, и 15 мая 1848 г. он участвует в попытке рабочих разогнать Национальное Собрание. Вместе с Бланки, Альбером он снова арестован и приговорен к тюремному заключению. Освобожденный из тюрьмы Наполеоном III, Б. протестует против этой непрошенной милости, и из тюрьмы его выводят силой. После освобождения Б. удалился в добровольное изгнание и умер в Гааге в 1870 г.

Прим. 5. Альбер-Александр Мартэн (1815—1895) — рабочий металлист, французский революционер, примыкавший по своим взглядам к мелкобуржуазному, утопическому социализму. В 30-х годах участвовал в тайных обществах и заговорщицких восстаниях. В 1840 г. издавал газету «L'atelier» («Мастерская»), в которой производительные ассоциации рассматривались как панацея от всех социальных зол. Во время революции 1848 г. был членом буржуазного Временного Правительства. Временное Правительство назначило Альбера вместе с Луи Бланом руководить работой так называемой Люксембургской Комиссии («социалистической синагоги», по выражению К. Маркса), которая по мысли своих организаторов должна была разрабатывать различные проекты улучшения положения рабочих, а в действительности служила буржуазии средством для одурачивания пролетарских масс. После неудачной попытки рабочих разогнать контр-революционное Национальное Собрание (15 мая 1848 г.) Альбер был приговорен к заключению в тюрьме, откуда освободился в 1859 г. по амнистии. В 1871 г. он принял участие в Парижской Коммуне, но не пользовался в ней большим влиянием.

Прим. 6. Июньское восстание рабочих во время французской революции 1848 г. было вызвано агрессивной политикой реакционного Учредительного Собрания по отношению к пролетариату, который 15 мая 1848 г. сделал неудачную попытку разогнать его. Поводом к восстанию был декрет (21 июня 1848 г.) правительства, обязывавший всех находящихся в Париже безработных в возрасте от 18 до 25 лет поступить на военную службу или отправиться в провинцию на земляные работы. Несколько десятков тысяч вооруженных рабочих 23 июня покрыли значительную часть Парижа баррикадами. Буржуазия двинула против рабочих войско и национальную гвардию во главе с Кавеньяком. Борьба продолжалась четыре дня (23—26 июня). Пролетариат, несмотря на героическое сопротивление, был разбит. Началась жестокая расправа. Захваченные пленные тысячами бросались в погреба Пале Рояля, где они задохлись от недостатка воздуха, страдали от жажды и умирали от ран. В бою погибло около 4.000 рабочих. 5.000 человек было осуждено на каторгу, тысячи рабочих были высланы из Парижа.

Прим. 7. Лиссагарэ Проспер Оливье (р. в 1838 г.) — участник Парижской Коммуны 1871 г., автор «Истории Парижской Коммуны».

Прим. 8. Тьер Луи-Адольф (1797 — 1877) — французский буржуазный историк и государственный деятель, монархист. В 1834 г., будучи министром внутр. дел при Людовике-Филиппе, жестоко расправился с восстаниями в Лионе и в Париже, издав приказ «истребить по возможности молодое отродье». В 1848 г. стоял за диктатуру генерала Кавеньяка. В 1871 г. он был назначен Национальным Собранием главой исполнительной власти, заключил тяжелый для Франции мир с Германией и потопил в море крови Парижскую Коммуну. В августе 1871 г. был избран президентом Французской республики, в 1873 г. подал в отставку и ушел от политической деятельности. Написал «Историю Великой Французской Революции».

Прим. 9. Прозвище Тьера.

Прим. 10. В подлинном тексте «Искры» пункт второй пропущен.

Прим. 11. Южно-русская группа учащихся средних школ — была основана в Ростове-на-Дону летом 1902 года. Вскоре же после основания группы состоялся ее первый съезд, принявший резолюцию: «Съезд считает невозможным коренную реформу средней школы без изменения всего социально-политического строя России. Съезд признает задачей российской интеллигенции внесение в среду трудящихся классов пропаганды социалистических принципов». В № 29 «Искры» напечатан манифест Центр. К-та этой группы, заканчивающийся призывом учащихся стать «под гордо развевающиеся красные знамена российской социал-демократии». Против определенно выраженной партийности группы выступила со статьей «Рев. Россия», противопоставив ее программе неформационную программу других учащихся организаций, девизом которых, был клич: «К свету, к стремлению развить самосознание». На это в № 43 «Искры» был напечатан: «Ответ „Революционной России“», написанный С. Гурвичем, членом Ц. К. группы и одним из ее активнейших работников. В расцвет своей деятельности группа была связана с 11 городами: Таганрог, Новочеркасск, Ставрополь, Екатеринодар, Новороссийск, Воронеж, Феодосия, Керч и ряд др. В начале января 1904 года на заседании Ц. К. группы было принято решение о роспуске этой организации и о передаче работы среди молодежи общепартийной организации. Заявление Ц. К. группы об этом было напечатано в № 62 уже новой меньшевистской «Искры». В современной литературе эта организация известна еще под названием «Южно-Русский Союз Молодежи».

Прим. 12. В 1901—1903 гг. Воронежский Комитет Р. С.-Д. Р. П. находился в руках «экономистов» во главе с Лидией Мах-новец. В напечатанной выше заметке речь идет о выступлении Воронежского Комитета против Орг. Комитета по созыву II съезда партии. Характеризуя О. К. как интригу «Искры», Воронежский Комитет оспаривал законность его полномочий по созыву съезда. Исходя из этого, О. К. не послал Воронежскому Комитету приглашения на съезд. Съезд одобрил действия О. К., и Воронежский Комитет не имел своих делегатов на съезде.